

ПОЛЫНЯ

Счастье
даром

Территория современной словесности

7

Ю_ШУТОВА
Счастье даром

«Автор»

2026

Ю_ШУТОВА

Счастье даром / Ю_ШУТОВА — «Автор», 2026

Это рассказы о нас. Мы ищем своё место в жизни, ошибаемся, падаем и снова поднимаемся, чтобы найти ту самую, свою частицу счастья. Счастье — это не пункт назначения, а способ путешествия. Разные жанры, разные интонации — но смысл един: настоящее счастье не падает с неба. Оно прорастает сквозь асфальт будней, семейных драм, личных поражений и маленьких побед. Прочтите эту книгу, чтобы в чужой истории узнать свои сомнения и надежды и, возможно, по-новому ответить на самый важный вопрос: что такое «счастье даром» лично для вас.

© Ю_ШУТОВА, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дарованная сладость бытия	5
Олег Пронин. ПОЛТОРА КИЛОГРАММА СЧАСТЬЯ	7
Анна Гройсс. ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ АГАТЫ КРИСТИ	13
Татьяна Поройкова. ПЯТЕРКА ПО ФИЗИКЕ	18
Татьяна Поройкова. ТРАВКА ЗЕЛЕНЕЕТ	21
Анна Георгиева. УЛЮБЛЕНА ЛОЖЕЧКА	29
Илья Криштул. ЗДЕСЬ И ТАМ	33
Дмитрий Сидоренко. МУХА	35
Надежда Космынина. А НЕЧЕГО БЫЛО ЗЛИТЬ ХАКЕРА!	39
Наталья Веселова. ПОБЕГ	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Дмитрий Корнеев, Александр Акулов,
Лариса Юрьева, Ольга Гусева, Елена
Станиславовна, Дмитрий Иванов, Гульноз
Таджибаева, Екатерина Янкович-
Питева, Игорь Малахов, Ксения Котова,
Татьяна Поройкова, Олег Пронин,
Валентина Уцеховская, Илья Криштул,
Дарья Щедрина, Надежда Космынина,
Татьяна Берцева, Светлана Леонтьева,
Юрий Черкасов, Наталья Веселова,
Анна Георгиева, Наталья Трубникова,
Александр Крамер, Дмитрий Бобылев,
Анна Гройсс, Инна Девятьярова,
Светлана Марчукова, Ю_ШУТОВА**
Счастье даром

Дарованная сладость бытия

Есть старая, как мир, притча. Стоит человек и горько плачет. Спрашивают его: «Ты чего ревёшь?» — «Жизнь потерял». — «А много ли за нее отдал?» — «Да нет, даром досталась».

Это «даром досталась» — самый страшный и самый прекрасный упрёк судьбе. В нём — вся суть нашего сборника. А название его, «Счастье даром», — не утверждение, а вопрос, висящий в воздухе чужой территории, в тревожной тишине ожидания, в решение пройти несколько самых сложных в жизни шагов.

Разве оно, счастье, бывает даром?

Русская литература всегда мучилась этим вопросом. У Чехова в рассказе «Счастье» старики-пастухи и барин спорят о кладах, зарытых в земле. Их «счастье» — мифическое, будущее, спрятанное в земле, которое «никто не найдет». Оно иллюзорно, оно где-то там, за горизонтом, и от этого разговор о нём тихий, полынный, тщетный. Герои Чехова гонятся за призраком, упуская саму жизнь, которая, быть может, и есть тот самый ненайденный клад. Их счастье — несчастье от своего непонимания.

А здесь, в пространстве этих рассказов, счастье отчаянно настоящее. Оно не зарыто. Оно на поверхности — в виде меча, направленного в верную сторону, в виде пластмассового подсолнуха, в виде цветущего абрикоса. Оно не абстрактно. Оно конкретно до боли: сегодня все живы, сегодня увидел, как наливаются плоды на старом дереве, сегодня встретил своего брата.

Чем же отличается счастье от несчастья? Тончайшей, почти невидимой гранью, которая их разделяет. Это не две комнаты, а одна, где свет и тьма борются за каждый сантиметр. Несчастье — шум. Счастье — пауза в этом шуме. Несчастье — это ожидание. Счастье — это момент, когда забываешь, чего ждешь. Несчастье велико и безлико. Счастье мало и лично: тепло чашки в руках, родной голос, теплый взгляд. Чувствовать его — это не эйфория. Это узнавание. Узнавание жизни среди хаоса. Оно прорастает сквозь асфальт, как упрямая трава. За него заплачено страхом, потерей, непрожитыми годами. Оно дорого. Оно бесценно. И от этого оно — даром, потому что его нельзя купить, заслужить или найти. Его можно только принять. Как дар. Как чудо. Как ту самую жизнь, которая «даром досталась».

Герои этой книги — не искатели клада. Они — его хранители. Их счастье — не в сундуках с золотом, а в умении чувствовать даже в несчастье не горечь, а странную, неприкосновенную, дарованную сладость бытия.

Эта книга о счастье, которое, не смотря ни на что, — есть. Потому что иначе — нельзя.

Юлия Карасёва, главный редактор альманаха «Полынья»

Олег Пронин. ПОЛТОРА КИЛОГРАММА СЧАСТЬЯ

Никто не помнил, в какой именно год это произошло. Просто однажды по телевизору выступил президент и сказал, что государство нашло рецепт счастья, и каждый может получить его бесплатно. Нужно только сходить в ближайшее отделение «ГосСчастья», встать в очередь и забрать свой экземпляр. И люди быстро к этому привыкли.

И когда ты видел выходящего из отделения «ГосСчастья» очередного счастливого — теперь их только так и называли — с красной коробочкой размером с обыкновенную посылку, испытывал только одно чувство — зависть.

Ведь, наверняка у него были связи, или взятку дал. А как ещё можно было так запросто получить заветную коробочку?! Хорошие люди годами стоят в очереди, и не факт, что получают своё счастье!

— Ванюш, а ты когда уже за счастьем сходишь? — женщина предпенсионного возраста заботливо поставила тарелку с горячим супом на стол. — Разберут же!

— Мам, не разберут. Не переживай. Это же не пирожки, — спокойно ответил Иван.

— Ну откуда ты знаешь? Вот Лёшке, брату твоему двоюродному, не досталось.

— Потому что он документы неправильно оформил. Я же говорил тебе, — вздохнул он, и тут же решил сменить тему. — А ты сама-то почему не сходишь?

— Ой, сынок. Мне-то уже куда? Старая я уже, а счастье, оно молодым нужнее. А мне много и не надо.

Иван приезжал к матери в гости каждые выходные, если позволяла работа. И каждый раз слышал одно и то же. Но даже чтобы успокоить мать, он не был готов на эту авантюру. Ведь бесплатный сыр бывает только в мышеловке. А тут ещё и от государства. Значит, точно жди подвоха!

А если посмотреть с другой стороны — зачем ему это счастье вообще нужно? Живёт он спокойно. Не в собственной квартире, конечно, но его устраивает. Работа тоже есть. Не особо любимая, но и ненависти к ней он не испытывает. Коллеги хорошие, есть о чём поболтать с ними в курилке. Да и достаточно ему, что ещё нужно?

— А что это за счастье вообще? — спросил вдруг Иван. — Там квартиру выдают? Или, может, деньги?

— Не в деньгах счастье, — мудро ответила мать.

— Так любят говорить те, у кого денег и так много, — заметил сын.

— Не передёргивай, Ванюш. Счастье — это счастье. Оно нужно всем.

Иван всё ещё не понимал, зачем конкретно ему получать счастье. Но зёрнышко этой идеи было заботливо посажено и уже начинало прорастать. А коллеги в курилке только подливали зёрнышку водички.

— Прикиньте, безграничное счастье лоботрясу досталось! — шептал Анатолий, прикуривая сигарету. — Лоботряс ещё тот! Теперь может хоть всю жизнь не работать, зараза.

— У-у! Вот так дела! — поддакивали остальные.

— А у меня дед встал в очередь, — встрял Иннокентий. — Интересно, а мне по наследству достанется его счастье?

Курилка заполнилась смехом.

— Да ладно вам! Счастья много не бывает, — замахал руками Иннокентий.

— А действительно, Кеш, ведь это вопрос, — задумался Альберт. — Если ты получишь счастье. И по наследству передадут счастье. Оно у тебя будет одно? Или два?

Но больше их размышлений Ивана интересовало мнение одного старичка, чьего имени он никак не мог запомнить. Он единственный в их коллективе, кто был против этой всеобщей «счастьелизации», как он называл эту процедуру.

— Я вам так скажу, — начинал он всегда одну и ту же историю, — ни к чему хорошему это нас не приведёт. Вас за ручку ведут в концлагерь, а вы и рады! Вот у меня у знакомого сын — рубаха-парень, каждому помогал, всегда занят делом, диплом юриста получил, гордость отца! И как только получил эту гаденькую коробку со счастьем, знаете, что? — Он сделал театральную паузу. — Заперся в квартире и никуда не выходит, ни с кем не общается. Чипировали, — заключил старичок.

В курилке, конечно, каждый раз с интересом слушали эту историю. Но всё равно потом продолжали рассуждать, что будут делать, когда получат от государства своё счастье.

Из тех, кто действительно становился обладателем счастья, мало кто делился подробностями. Что из себя это счастье представляет? Как меняется их жизнь? Единственное, на вопрос: «Стоит ли получать счастье?» — они могли ответить: «Стоит попытаться».

Конечно, были и такие люди, которые всех уверяли, что счастье у них есть. Но чаще всего это были мошенники, которые старались развести доверчивых граждан. Были даже блогеры, которые делали распаковки «коробочки счастья». Но каждый показывал что-то своё: стеклянную колбочку с неизвестной жидкостью, оберег или шуточную записку. Но в комментариях люди сомневались, что это реальные «коробочки». Но других доказательств не было. Ведь счастливицы не приходили под видео, чтобы подтвердить или опровергнуть эти распаковки.

В конце концов, Иван решил: «А чего я вообще боюсь? Получу счастье, и посмотрю, что это, вообще, такое и что из себя представляет. Если это небезопасно, вызывает зависимость или в договоре что-то не так — я просто откажусь»

На следующий же день он отпросился с работы и оказался в ближайшем от работы отделении «ГосСчастья». Это была обычная государственная контора. Скудная. Простая. С обшарпанными стенами и скамейками вдоль стен, где сидели люди.

Иван подошёл к одиноко стоящему терминалу, чтобы взять талончик. Экран был заляпан жирными пальцами и срабатывал лишь на второе или третье нажатие. На экране высветились варианты: «Получение счастья», «Оплата пошлины на счастье», «Возврат или обмен счастья», «Брак».

В варианте «Получение счастья» Ивана ждало множество услуг:

- Кратковременное счастье
- Простое человеческое счастье
- Любовь
- Шальное счастье (только для администрации и чиновников)

Помимо прочих пунктов было ещё «Абсолютное счастье». Он уже слышал о нём от коллег и сразу же тыкнул туда. Но ничего не произошло. Даже после нескольких попыток. Даже после порции угрожающего мата.

— Терминал не работает, — пояснил седой старик. — Здесь живая очередь. Занимай за мной. Я за женщиной в красном платье.

Иван сел на скамейку позади.

— А что, тут правда счастье выдают? — задал он самый глупый вопрос в своей жизни, просто чтобы начать диалог.

— Правда-правда. Самому не верится, что государство наконец-то что-то полезное для граждан стало делать. Я вот своё счастье всю жизнь ждал. А теперь осталось только отстоять очередь и всё!

— И вы не боитесь? — удивился Иван.

Уж он-то перед сегодняшним походом успел во всех красках обдумать, как ему могут испортить жизнь после получения счастья. Даже кошмар приснился, где ему своё счастье надо было другим людям раздавать.

— А чего мне бояться? Если обманут, я жалобу писать буду! — пожал плечами старик.

— А что если счастье — это обман или домыслы?

— Насчёт этого я не беспокоюсь. Наше счастье не хуже западных аналогов. Последние исследования показали, что даже не зарегистрировано побочных эффектов.

Да, Иван тоже читал на досуге эти исследования. Но разве это повод доверять безоговорочно? А вдруг обманут? Или, и того хуже, — заставят оплатить? Очередь медленно двигалась вперёд, пока Иван витал в мыслях. Работало только дальнее окошко. Остальные ушли на обед или просто пропали без вести, как обычно бывает в государственных конторах.

— Цель визита? — скрипучий голос вывел Ивана из оцепенения.

— Хочу... счастье получить, — выдавил из себя он.

— У вас инвалидность есть? Депрессия имеется? Может, испытываете тоску? Жалость к себе? Одиночество? Или у вас ипотека? В общем, давайте сюда все документы, я изучу.

— Погодите, какие документы? — спохватился Иван. — Мне ничего не говорили.

Женщина поправила очки и посмотрела исподлобья.

— Уважаемый! Вы хотите получить государственную услугу. Конечно, нужно подготовить пакет документов! Не задерживайте очередь! Вот инструкция. — Она протянула ему небрежно оторванную бумажку небольшого размера.

Когда Иван выходил из офиса, у него было ощущение, что его выгнали, и он вообще не достоин счастья. «Счастья достойны только больные и должники, что ли?» — недоумевал он. В инструкции было написано, что нужно пройти к врачам, сходить к участковому, получить справку о несудимости, у психиатра получить справку о несчастье и даже зайти в МФЦ и получить там форму формата 7-НДФЛ — Налог Длительных Физических Лишений. Список был такой огромный, что казалось, он никогда не закончится. Иван даже представил, что на самом деле находится в аду. И его пытка — это попытка получить билет в рай, который ему никто и никогда не отдаст.

Собирать документы пришлось какое-то время. Когда Иван пришёл к психиатру за справкой о несчастье, он разговорился в очереди с одной дамой. Её муж зарабатывал столько, что мог бы выкупить небольшой остров и основать там независимое государство. Дети уже выросли, поэтому у неё море свободного времени. Она облетела все страны мира в третий раз в этом году. Но кое-чего сильно не хватало.

— Счастья мне не хватает. — Вдох был настолько грустным, что сердце даже самого чёрствого человека не выдержало бы.

— Но разве у вас нет счастья?

— Откуда? Нет штампа в паспорте — нет счастья.

Когда Ивану удалось собрать все документы, он снова вернулся в офис «ГосСчастья». И хотя сбор документов занял несколько недель, в конторе время как будто остановилось. Те же лица в очереди. То же единственное работающее окошко. Разве что только терминал в этот раз всё же выдавал талончики.

— Молодой человек! Давненько вас не было видно, — кивнул тот самый старичок, который теперь был одним из первых в очереди.

Иван улыбнулся и показал объёмную папку. Они разговорились о жизни и работе, как закадычные друзья, которые давно не виделись.

— Без справки о несчастье будет тяжело получить, — заключил он.

— Но я не могу сказать, что несчастлив. Но и что счастлив — тоже не могу.

— Для государства нет третьего состояния. Ты не можешь быть немного счастлив, но при этом немного несчастлив. Иначе как тебе выдать положенное счастье? От него же нельзя откусить половинку и выдать сколько не хватает. Всем выдают одинаково.

— Ну, даже если у меня есть пятьдесят процентов счастья, — Иван постарался изобразить эти пятьдесят процентов руками, — что теперь, если я получу счастье, у меня станет его полтора? Счастье же не измеряется в килограммах.

Старик хмыкнул:

— Если бы оно измерялось в килограммах, было бы куда проще жить.

Когда Иван вывалил собранные документы сотруднице, он ожидал хотя бы поздравлений. Ну, как минимум, немного уважения в глазах. Но менеджер счастливых дел только пролистала папку и спросила:

— А где справка от налоговой?

— Какая ещё справка? — не понял Ваня.

— О доходах. Как я вас запишу на приём, если у вас этой справки нет?

— Но в инструкции же не было...

— Молодой человек! Что вы мне тут инструкцией тычете? Раньше не нужна была, теперь нужна. У вас этой справки нет. Как сделаете — приносите. Следующий!

Иван не успел отойти от окошка, как тут же, словно сокол на добычу, на сотрудницу налетела женщина:

— Я многодетная мать! Мне обязаны побольше счастья выдать, — голос её давил на уши, словно взрывная волна.

— Всем положено ровно столько счастья, сколько положено, — отрезала менеджер счастливых дел. — Когда им исполнится двадцать лет, смогут получить своё личное счастье.

— Это как же? — захлопала глазами мать. — Им что, несчастливymi быть до этого возраста?

— Пока не исполнится, вы можете делиться с ними своим счастьем.

— А почему я должна с кем-то делиться своим счастьем? А ну позовите начальника. Жаловаться на вас буду!

Чем всё закончилось, Иван не услышал, он быстро покинул контору «ГосСчастья», чтобы пострадать в одиночестве. Он не ожидал, что его текущих усилий окажется недостаточно. Он даже начал жалеть, что у него нет депрессии или чего-то серьёзного. Ведь с депрессией получить от государства счастье — проще простого. Но потом вспомнил разговор в курилке. На самом деле, людям с депрессией получить счастье было сложнее всего. Потому что они считали, что им оно особо и не нужно. И могли даже не подать заявку.

— Что планируешь делать, когда выдадут счастье? — спросил брат однажды за совместным завтраком.

— На работу пойду, смену надо будет закрыть. А потом — домой.

— Я серьёзно, — наклонился он над столом. — Какой смысл получать счастье, если ты ничего не планируешь с ним делать?

— А что ты предлагаешь?

— Ну, — брат перешёл на шёпот, — ты мог бы и поделиться немного. Совсем чуть-чуть.

— И ты уже знаешь, на что бы потратил счастье?

— Думаю, научился бы играть на гитаре. Больше времени мог бы уделять творчеству. С детьми чаще бы играл.

— А что сейчас мешает? — удивился Иван.

— Как что? Ты уж разве не знаешь? Работы много, к матери надо съездить, да и дел полно.

Иван кивнул. Действительно, у всех жизнь забита настолько, что в ней иногда даже места не бывает для себя. Есть такая притча, что в банку надо вначале класть большие камни, потом поменьше, и потом насыпать песок. Ведь если делать наоборот, можно случайно получить банку с песком, в которую ничего больше не помещается. И что в этой притче будет метафорой счастья? Камни? А может, в этой метафоре, счастье — это выкинуть банку? Иван вспомнил того старичка, с которым он успел сдружиться в очереди. Артемий всегда казался самым жизнерадостным. Он первым заводил разговор, всем помогал и даже давал советы молодой мамочке по воспитанию детей. Иногда казалось, что для него цель — не получить счастье, а просто стоять в очереди. Но на днях Артемий прошёл мимо него. В руках была заветная коро-

бочка от «ГосСчастья». Они пересеклись в дверях этой дьявольской конторы. Иван смотрел ему прямо в глаза. Они были пустые и словно потухшие.

Каждый раз он задумывался, а имеет ли вообще смысл продолжать бороться за положенное счастье. Любопытство было сильное. Но и чувство опасности было не слабее. Когда он в предпоследний раз заходил в контору, знакомых лиц почти не было. Кто-то устал и забросил эту затею. А кто-то действительно получил коробочку с лентой и вышел из конторы в последний раз. Единственная, кто неизменно встречалась каждый раз — это уборщица Екатерина Васильевна.

— Не цените вы, люди, своего счастья, — бросила она, проходя мимо.

— Конечно! Нам ведь его ещё и не выдали, — засмеялся Иван. — А вы цените своё счастье?

Уборщица замерла и перестала вытирать пол. Показала на небольшой значок на блузке: то ли медведь, то ли лисица, сделанный из вяленой шерсти.

— Это подарок от внучки. Последний, — добавила она.

— Она?..

— Лейкемия. Умерла два года назад.

Иван смутился.

— Счастье не всегда бывает со сладким вкусом. Мой ангелок вот всегда со мной. Даёт мне сил каждый день, когда её вспоминаю. От этого одновременно и грустно, что её больше нет, и радостно, что она была.

Больше Иван вопросов не задавал. Екатерина Васильевна продолжила мыть пол, а он продолжал ждать своей очереди. И тут ему пришла в голову мысль: «А достоин ли я счастья?» Мысль прокатилась в голове, словно тяжёлый шар по пустой комнате. Иван понял, что раньше он даже не задумывался об этом. Ведь казалось, что ему обязаны выдать счастье, и всё. Но ведь есть люди, кому нужнее! Кому надо прямо сейчас, как можно быстрее! Таким, например, как Екатерина Васильевна. Но как определить, достоин ли человек счастья или нет? Может, есть какие-то баллы для подсчёта? Будет обидно, что на решение о выдаче счастья повлияют тройки в школьном аттестате. Если так, то это будет единственное место, где они хоть на что-то повлияли.

Наконец, ему поставили штамп в паспорте, и сказали забирать своё счастье через неделю. Ивана в этот момент как будто высушили изнутри. Он был готов ходить и бороться, пусть даже пока не понятно, достоин он или нет. В конце концов, он всегда может попробовать отдать кому-нибудь своё счастье. Если, конечно, это не обман или обдираловка.

Спустя неделю он сидел в обычном кабинете. Стены здесь были обшарпаны ещё больше, чем в основной части здания. На стене висела старая карта СССР, видимо, осталось от железнодорожной конторы, чьё помещение заняло «ГосСчастье». Не хватало на стене только портрета товарища Сталина.

— Кхм, — кашлянул уставший чиновник. — Распишитесь.

Он протянул какие-то бумаги о получении счастья. Иван поставил подпись.

— Ну, поздравляю. Вот ваше счастье! — Но интонация была такой наплевательской, как будто Иван колбасу купил, а не счастье получил от государства.

Он непонимающе посмотрел на чиновника:

— Как? И это всё?

— Ну, да. А вы что хотели? Последний танец?

— А вдруг я недостоин?

— Недостоин чего? — похлопал глазами чиновник.

— Счастья! — Иван поднялся и вскинул руки. — Счастья! А вдруг прямо сейчас оно кому-то нужнее?

Чиновник снял с носа очки и положил на стол:

— Все, кому счастье действительно нужно, сидят в очереди и скоро получают свой экземпляр. Счастье — это, знаете, очень специфическая вещь. Мы уже давно могли раздать его всему населению нашей страны. Что это я говорю: «Могли»... Мы пробовали. Всем было наплевать. Если человек не проявляет усилий, не начинает ценить — никому такое счастье и даром не нужно. Забирайте уже свою коробку, счастливец. И не задерживайте очередь. Тех, кому действительно нужно счастье.

Коробка оказалась совсем лёгкой. Весила всего полтора килограмма. Но содержимое было настолько ценное, что далеко не каждый человек мог его получить.

В тот день, да и неделю после, да ещё месяц, Иван много думал. Он долго смотрел на свою коробку. Обдумывал. Хотел открыть. Но так и не решился. Просто закинул её на антресоль и продолжил жить своей обычной жизнью: ходить на работу, ездить к маме, копить на собственную квартиру.

Но что бы ни случилось, он всегда знал, что у него на антресолях лежит полтора килограмма счастья.

Анна Гройсс. ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ АГАТЫ КРИСТИ

Версия событий

На краю

В апреле 1926 года, когда нежный аромат цветущих гиацинтов наполнил сад, захлестывая сердце томлением и неопределенными надеждами, умерла мать.

После похорон Агата Кристи вернулась в осиротевшее гнездо, чтобы привести его в порядок и разобрать вещи: на семейном совете родительский дом решили продать. Чемоданы, бесчисленные свертки, шкафы и сундуки — все в особняке пропахло тленом и давно ушедшими временами. Кругом лежала пыль, — плотная, потемневшая. Ее бесформенные клочья, точно привидения, витали в воздухе, забиваясь в нос и глаза, вызывая приступы удушья.

Переходя из комнаты в комнату, Агата доставала, перетряхивала, разглядывала каждую вещь: траченную молью одежда, древние бабушкины сундуки, набитые старомодными платьями, буфеты, полные столовой посуды. Их нескончаемая вереница плыла через ее руки, словно просочившиеся сквозь пальцы месяцы, годы, десятилетия жизни, — молчаливые свидетели цветущей юности, созревания и увядания, минут отчаяния и страсти.

В одном из разошедшихся шкафов, битком набитых всевозможным хламом, Агата обнаружила материнское платье, о котором давным-давно забыла, — так далек был тот день, когда мать надевала его. Стоило ей ощутить нежное прикосновение шелка, как на нее нахлынули воспоминания. В этом платье мать однажды водила ее, маленькую, гулять в городской парк. Агата приложила ткань к лицу. На один миг — сладостный и невыразимо прекрасный — она ощутила себя трехлетним ребенком, уткнувшимся в материнские колени, среди цветов, на залитой солнцем лужайке.

Внимательные глаза наблюдали за ней с каждой стены — повсюду в доме висели фотографии. Вот она сидит в колясочке, рядом счастливые родители. Здесь отец держит ее на руках. Тут бабушка и бабушка, обнявшись, сидят в саду на скамейке, увитой белыми розами. Казалось, легкий ветерок колышет кроны деревьев, и кудрявая тень еще бежит по улыбающимся лицам, но уже явственно проступает на них печать увядания и смерти.

Сколько раз в эти тяжелые дни Агата писала Арчи в Лондон! Как не хватало ей его ободряющей улыбки! Но муж не приезжал, ссылаясь на важные дела, давно запланированные встречи и даже на предстоящий турнир по гольфу! Эти глупые отговорки казались Агате нелепыми.

В конце концов он появился — как всегда, подтянутый, безупречно одетый, красивый и отстраненный, словно вынырнул из другого — счастливого — мира, исполненного постоянства и благопристойности.

Агата выбежала ему навстречу — бледная, с красными заплаканными глазами, с растрепанными волосами, в домашнем платье. Если он и был разочарован, то не показал виду, сохранив свою обычную сдержанность и невозмутимость.

Участливый взгляд и нежные объятия — вот в чем она нуждалась более всего на свете, но в сердце Арчи уже не осталось места для Агаты! Отныне оно занято Нэнси Нил: холодной, дерзкой, уверенной в себе особой — той же породы, что и он. Ее зубы, когда она смеется, сверкают ровной белизной. Ее лицо, на котором ни единой морщинки, не сминает боль утрат и разочарований. К тому же она мастерски играет в гольф. Поэтому он уходит к ней. Он любит ее.

— А как же мы? — растерянно прошептала Агата.

— Развод, — коротко ответил муж и пожал плечами: неужели не ясно?

Он сел в машину и уехал в Лондон. К Нэнси Нил.

Третьего декабря, осмотревшись в непроницаемой черноте, — хотя, право, в этом не было никакого смысла, ведь она везде совершенно одинакова, и чернота запада ничем не отличается от черноты севера или востока, — Агата обнаружила, что у нее есть предел: за озером Тихий Бассейн, в меловом карьере, в ста метрах от дороги. Что там, за пределами тьмы? Агата не знала. Но предполагала, что, возможно, райские сады, незаходящее солнце, вечное лето или безмолвный океан...

Она перечитала последнюю строку, посмотрела на часы. Содержание письма, исполненное тоски и мрачных рассуждений, не оставит Арчибальду места для сомнений в серьезности ее намерений. Оставив на столике в прихожей три послания — мужу, деверю и секретарше — она тихонько поднялась на второй этаж и нежно поцеловала спящую дочь. Накинула меховое пальто и, сев за руль «Моррис-Каули», поехала по направлению к Гилфорду.

Через полчаса Агата свернула с дороги. В плотном тумане автомобиль запетлял по пересеченной местности, переваливаясь с кочки на кочку. Ветки царапали стекло. Внезапно машина резко затормозила, врезавшись в густые заросли боярышника. Агату швырнуло головой в лобовое стекло, и перед глазами взорвался фейерверк.

Паутина подозрений

В первый момент Арчибальд обрадовался. Разумеется, он пытался давить в себе чувство освобождения, взошедшее в нем в ту минуту, как ему сообщили, что она пропала.

Пустой «Моррис-Каули» с включенными фарами, уткнувшийся бампером в кусты, обнаружил ранним утром на самом краю мелового карьера.

Однако спустя время Арчибальд заметил, что улыбки его друзей и партнеров по гольфу стали холоднее, а глаза — насмешливей, и тогда он впервые осознал, какую изысканную и остроумную месть приготовила ему жена.

Черт побери! Женщина должна быть предсказуема, — угрюмо размышлял Арчи, — а она изобретательна и чересчур умна. И хотя все двенадцать лет, что они прожили вместе, Агата вела себя как добропорядочная английская леди, он чувствовал, что в ее очаровательной головке бродят идеи, не поддающиеся разумению человека, наделенного здравым смыслом. Что за блажь: выдумывать истории с убийствами, отравлениями и похищениями — занятие, совершенно не подходящее для дамы! Услышав иные из них, даже он, герой войны, удостоенный наград за мужество, терял дар речи!

В конце концов, это ее личное дело. Он тут ни при чем. Она сама так решила.

Когда он сообщил Нэнси новость о странном исчезновении жены, его любовница изменилась в лице. Арчибальд ясно разглядел в ней тщательно скрываемое чувство удовлетворения, смешанное с настороженностью.

— Как, о Арчи? Неужели?.. — воскликнула она. — Что же ты будешь делать дальше?

Он пожал плечами.

— Полиция ищет.

О письме он умолчал.

В отеле «Хайдро»

Около четырех часов дня четвертого декабря в отель «Хайдро», расположенный в пригороде Лондона, вошла бледная молодая женщина. В руках она держала несколько свертков с покупками. Представившись как миссис Нил, прибывшая из Кейптауна, она сообщила портье о намерении снять номер.

Служащий вежливо поклонился и протянул ей ключ.

— Пятый номер, миссис Нил. С ванной. Семь гиней в неделю. Сколько вы планируете пробыть у нас? — он раскрыл лежащий на стойке журнал постояльцев и быстро заполнил несколько граф.

— Десять дней, — улыбнулась миссис Нил. — Этого будет вполне достаточно.

Поднявшись в номер на второй этаж, она немедленно приняла ванну, а затем прилегла вздремнуть. Ближе к вечеру распаковала покупки и, принарядившись, спустилась в библиотеку гостиницы.

Праздное времяпрепровождение явно шло на пользу миссис Нил. Дни текли безмятежно. Она музицировала в ресторане отеля — игра на фортепиано доставляла ей удовольствие, танцевала, разгадывала кроссворды и играла в бильярд.

Через несколько дней, когда газеты запестрели сообщениями о пропаже известной писательницы Агаты Кристи, миссис Нил с азартом принялась обсуждать всевозможные версии ее исчезновения. К тому же, между ней и литераторшей вдруг обнаружилось необычайное внешнее сходство.

— Поразительно, как мы похожи! Вы только поглядите! — удивлялась миссис Нил, протягивая газету своей собеседнице. Сидя за столом в оранжерее, они принимали лечебные воды. Первую полосу номера занимал портрет исчезнувшей сочинительницы детективов. — Полиция с ног сбилась, разыскивая ее.

— Дама на фотографии выглядит значительно старше вас, — неодобрительно разглядывая изображение сквозь пенсне, ответила пожилая леди.

— За сведения о ней объявлена награда — целых сто фунтов! Как вы полагаете, ее найдут?

— Вряд ли! — собеседница поджала губы. — Думаю, ее убил муж.

Вечером пятнадцатого декабря миссис Нил танцевала в ресторане под популярный фокс-тот «Yes! We have no bananas!», когда в гущу отдыхающих просочился служащий отеля и, шаря по лицу миссис Нил выпученными глазами, сообщил, что ее ожидают в холле.

— Кто бы это мог быть? — пробормотала она и, завернувшись в белую шелковую шаль, последовала за ним.

В холле стояло несколько полицейских и мужчина с военной выправкой в безукоризненно сидящем костюме. Услышав шаги, он повернулся к ней лицом.

— О! — воскликнула миссис Нил. — Это мой брат!

— Агата, — мрачно проговорил Арчибальд, — ты узнаешь меня? Я твой муж.

Карты на столе

Осенью 1931 года Агата Кристи и Макс Мэллоуэн, ее второй муж, прогуливались по Аллее Платанов в итальянском городке Белладжо и вели приблизительно такой диалог...

— Пришлось сделать вид, что у меня амнезия, — Агата усмехнулась и взяла под руку Макса. — Вполне подходящий способ, чтобы объяснить свое исчезновение, не вынося обстоятельств семейной жизни на всеобщее обсуждение. Арчибальд мгновенно ухватился за эту возможность. Вскоре все только и говорили о том, что Агата Кристи сошла с ума.

Да, изрядно я потрепала нервы Арчибальду! Все время, пока полиция разыскивала меня, мой бывший муж находился под следствием.

В 1928 году мы развелись, и он тут же связал себя узами брака со своей любовницей, Нэнси Нил, а еще через два года я встретила тебя. — Агата с любовью посмотрела на своего молодого супруга.

Макс шел, глядя себе под ноги, погруженный в раздумья. Казалось, его мысли витают где-то далеко.

— Значит, если бы не куст, задержавший автомобиль на самом краю мелового карьера, — медленно произнес он, останавливаясь посреди аллеи, — то я никогда не женился бы на тебе?

— Куст и еще кое-что, — пробормотала Агата, увлекая его к беседке. — В ту ночь смерть дважды пыталась меня сцапать.

Они уселись на скамейку, нагретую солнцем, и некоторое время прислушивались к пению птиц.

— Когда я очнулась и, выбравшись из машины, сделала несколько шагов, не имея никакого представления о том, куда направляюсь, в непроглядной тьме ночного неба вдруг ярко засияла луна, осветив окружающий пейзаж.

Передо мной огромной воронкой в земле белел меловой карьер, глубокий, точно преисподняя. Еще миг — и я упала бы в него. Воздух вокруг загустел, и рассеялся туман. В мире остались только я и луна. Желтое око внимательно рассматривало меня в разрыве ночных облаков. Я забыла смерть матери, измену мужа и даже одиночество. Этот момент навсегда изменил меня. В ту ночь я выбралась из прошлой жизни, словно Алиса из кроличьей норы.

— Нанна, — сказал Макс. — На тебя смотрел Нанна — древний бог Луны. Он определяет судьбы смертных и объявляет предзнаменования.

— А потом глаз закрылся. Я повернулась и пошла обратно, к остановке, с которой чуть позже меня забрал автобус, чтобы доставить на железнодорожный вокзал.

— Значит, ты не собиралась сводить счеты с жизнью, дорогая?

— Разумеется, ни о каком самоубийстве я не помышляла. Могла ли я оставить сиротой Розалинду? — возмущенно воскликнула Агата.

Она с укоризной посмотрела на мужа.

— План созрел быстро, — продолжила она. — Раз уж я не погибла, то почему бы мне, в самом деле, не отдохнуть и не подлечиться, как я и намеревалась с самого начала? Приехав в Лондон, первым делом я посетила «Уайтли», чтобы приобрести кое-что из одежды. Затем зашла к ювелиру и отдала ему кольцо для починки, — в нем давно уже расшатался камень, — поручив доставить его в отель «Хайдро» на имя Терезы Нил.

— Но почему ты взяла в качестве псевдонима имя Нил? — спросил Макс.

— Оно вертелось у меня в голове несколько последних месяцев, — вздохнула Агата. — Я никак не могла от него избавиться. Направляясь к остановке автобуса, я уже знала, что скроюсь на время под чужим именем. Это позволило бы мне прийти в себя без лишнего шума. Мне так хотелось побыть одной! Все обдумать и решить, как жить дальше! Когда ювелир спросил, кому доставить кольцо, я назвала первое пришедшее мне в голову имя, а вот с фамилией вышла заминка. Несколько секунд мне совершенно ничего не приходило на ум, пока, наконец, фамилия Нил, давно преследовавшая меня, не вылетела из моих уст почти против воли.

Всю дорогу до «Хайдро» я бранила себя за то, что не придумала псевдоним заранее. Однако позже мне пришло в голову, что за этим недоразумением проглядывает определенный символизм или, если угодно, насмешка — теперь карты пасьянса лежали картинками вверх, — она лукаво прищурилась. — Кстати, а что в это время поделявал ты, дорогой?

— Я был в Ираке, на раскопках шумерского города Ур, — помолчав, проговорил муж. — И знаешь, по странному совпадению, как раз в начале декабря 1926 года я стал участником происшествия, которое само по себе, может быть, не представляет интереса, но в связке с твоим рассказом кажется крайне любопытным. Леонард Вулли подробно описал этот случай в дневниках экспедиции.

В тот день нашего земленоса, Ибрагима, одного из местных рабочих, настигло кратковременное помутнение рассудка, ставшее, вероятно, следствием солнечного удара. Схватив совковую лопату, он принялся ломать, крушить и топтать драгоценные археологические находки, в приступе безумия едва не уничтожив глиняную фигурку Владыки Мудрости — Нанны, одного из главных богов шумерского пантеона. В последний момент я бросился Ибрагиму под ноги и спас статуэтку. Удар лопаты, предназначавшийся богу, пришелся по моей руке.

Макс задрал рукав и показал Агате закругленный шрам на тыльной стороне запястья, по форме напоминающий узкий серп луны.

Агата вскинула брови.

— Выходит, Владыка Мудрости отблагодарил тебя, не позволив мне свалиться в карьер? И если бы ты не спас его фигурку, — шутливо произнесла она, — то я сломала бы себе шею в ту ночь?

— Нет, — мягко возразил муж, — Нанна никогда не допустил бы этого. Ты — самая прекрасная женщина на свете. Мог ли он позволить тебе исчезнуть?

— Но в чем же тогда смысл появления лунного бога в твоей и моей жизни? — спросила Агата, прислоняясь к его плечу.

— В том, что мы с тобой встретились, — ответил Макс.

Татьяна Поройкова. ПЯТЕРКА ПО ФИЗИКЕ

Давно это было. Об интернете только слухи просачивались, потому жизнь была гораздо интересней, чем сейчас. И я вам это докажу.

Очень хотелось нам с Катькой пятерку получить. Вернее, хотелось больше Катьке. Я так, за компанию. А Катьке отец сказал, что Дед Мороз к ней не придет, если в дневнике меньше половины пятерок за четверть будет. Остальные — четверки. Тройки даже не рассматриваются. Мы твердые хорошистки. Вот Катька и старалась. Но одной пятерки все равно не хватало.

Сидим мы, смотрим на оценки. Думаем. К какому бы учителю обратиться? Задание дополнительное попросить — оценку исправить. К физручке пойти — не вариант. Это мне мостик сделать — раз плюнуть. А полноватая Катька пыхтит-пыхтит, ничего не получается. У нее четверка за старание. Училка так и заявила: «Если ты, Смирнова, так на лыжах ходить будешь, как гимнастикой занимаешься, не видать тебе хороших оценок как своих ушей». Катька потом полперемены у зеркала стояла — уши разглядывала. А они у нее ничего, небольшие, аккуратные, не то, что у меня, лопухи лопухами. Ставили бы оценки за уши — Катька бы точно отличницей была. Но не ставят. В общем, к физручке соваться нечего.

По технологии тоже четверка законная — юбка у Катьки слегка кривовата получилась. Правда, бабушка ее сказала, что это ерунда: ты же, мол, внученька, в юбке-то двигаться будешь, а не по стойке смирно стоять. Кривоту никто и не заметит. Но учительницу этот аргумент не устроил. Четверку вклеила. А перешивать юбку уже некогда — Новый год на носу, четверть заканчивается, Дед Мороз приближается. Катька уже все потайные места в доме обшарила — подарок искала. А его нет. Вот и думает: неужели отец слово сдержит и ничего не подарит? В Деда Мороза мы с Катькой года два как не верим, но подарков-то хочется...

Минут десять прошло, а мы все размышляем. У меня даже волосы на голове, кажется, зашевелились от напряжения. И вдруг осенило, причем обеих сразу: к физику надо идти! К Сергею Петровичу! В него все старшеклассницы влюблены. В прошлом году на День Святого Валентина он больше всех в школе валентинок получил. Мы с Катькой точно знаем. Специально почту вызвали разносить, чтоб посмотреть, как он краснеет. Уж его-то мы сумеем уломать нам пятерки поставить. Может, даже и просто так — за красивые глаза, как мой папа говорит. И стали мы с Катькой красивые глаза репетировать. Она на меня уставилась, изо всех сил выпучилась и усиленно моргать начала. Потом вдруг замерла с вытаращенными глазами. Ну, как, говорит, действует? Я сначала не поняла:

— А что действовать-то должно?

— Красота моя на тебя действует?

— Да нет, — отвечаю, — я как-то рыбу не очень люблю.

Катька разнервничалась:

— Причем здесь рыба? Я на тебе прием воздействия красотой отрабатываю.

— А, понятно. Ты только так не выпучивайся, а то на карася из кабинета биологии похожа становишься.

— Какого еще карася?

— Который в шкафу на подставке стоит. Чучело.

— Сама ты чучело! — обиделась Катька. — Ничего в красоте не смыслишь!

Ну, ладно, говорю, может, Сергей Петрович в ней лучше меня разбирается. Пошли. Чего тянуть-то!

Физик был в кабинете. Стоит у стола, листочки какие-то в портфель укладывает. А они укладываться не хотят — разлетаются по классу, то один, то другой. Мы ему помогать кинулись. Подняли пару упавших листков. Он нам спасибо сказал и спросил, зачем пожаловали. Слово-то какое древнее выкопал: пожаловали! А сам не такая уж и древность. Видно, хочет

солидной показаться, вот и разговаривает так странно. На меня тоже приступ солидности напал, прокашлялась и говорю:

— Сергей Петрович, нам бы оценку за четверть исправить. Очень пятерка нужна.

Он ничего ответить не успел, как Катька меня в сторону отодвинула и на него уставилась, глаза выпучила и моргать начала часто-часто. Сергей Петрович аж попятился слегка, испугался, наверно. Лоб рукой вытер и тоже прокашлялся, совсем как я:

— Можете взять задачи. Если решите, пятерку поставлю.

Мы с Катькой переглянулись: с задачами у нас было не очень. Прямо совсем не очень — их за нас Вася Егоров решал. А сейчас его рядом не было. Чувствую я: дело швах, как мой папа выражается, и решаю ва-банк пойти (тоже его слова):

— Сергей Петрович, задачи мы в четверти решали. Нельзя ли нам что-нибудь творческое, нестандартное? С удовольствием сделаем.

Физик только рот открыл — опять вступила Катька: всхлипнула как-то странно и моргать начала. Сергей Петрович моргнул ей в ответ и второй раз лоб вытер:

— Идите, — говорит, — девочки. Составьте список из пяти известных женщин-физиков. Как информацию добудете, приходите сюда — поставлю оценку.

Пришлось нам с Катькой снова мозги напрягать. Видно, день у нас по гороскопу такой — задумчивый. Думали-думали... Только Марию Кюри вспомнили. И тут Катька говорит:

— Все. Своими мозгами не справимся. Давай проблему решать фирменным способом.

Этот способ мы с ней еще в пятом классе придумали, когда по каждому предмету свой учитель появился. Попадется нам задание трудное — мы к другому учителю идем и помощи просим. А учителя у нас все добрые, любознательным детям не отказывают — помогают. Классный способ: один учитель задание другого выполняет, а мы пятерки получаем. Жаль, часто пользоваться нельзя — спалиться можно. Но тут случай особый: Катькин новогодний подарок на кону.

И вот идем мы по школе, видим: дверь открыта. Заглянули, а там... Удача так удача! — Целых две знакомых училки: одна по информатике, другая по русскому.

Ну, мы паинек изобразили: постучались, в кабинет заглянули осторожно, поздоровались, разрешения войти спросили и честно объяснили ситуацию. Как таким хорошим деточкам откажешь! Учителя и не отказали — они примерных любят.

На училку по русскому у нас особой надежды не было: совсем не ее предмет все-таки, хотя под Новый год каких чудес не бывает! А информатичка только пару минут подумала:

— Есть, девочки, Склодовская-Кюри и Жолио-Кюри. Мать и дочь. Обе физики.

Катька записала. Уже двое в списке. Информатичка продолжает:

— Есть еще Мария Гепперт-Майер и ...

Тут она еще одну женщину-физика назвала, тоже с двойной фамилией. Никак не вспомню какой.

Катька оживилась — дело-то пошло! Мне даже показалось: в воздухе мандаринами запахло, ощущение праздника появилось. Записали мы всех и цифру пять в списке поставили, а напротив нее — ничего. Информатичка молчит. Я на Катьку гляжу: у нее сами по себе глаза выпучиваются. Еще секунда — моргать начнет и носом хлюпать. И тут училка по русскому говорит громко так, с выражением:

— Корнева Галина Борисовна. Пиши, Катя.

Катька замялась: Галина Борисовна — второй учитель физики — гроза всей школы. Строгая до жути! У нее и прозвище соответствующее — КГБ. Стоит Катька, писать ничего не решается:

— А так можно?

— А вот пусть Сергей Петрович рискнет сказать, что она или не женщина, или не физик, или ее не знает никто! — рассмеялась русичка. — Все условия соблюдены.

Катка выдохнула и стала выводить КГ... Опомнилась, зачеркнула и написала полностью фамилию, имя и отчество. Список заполнился. Можно идти за пятеркой. Но тут Катка спрашивает:

— А что это у них у всех фамилии двойные?

— А вот это самое главное, — учительница информатики даже палец указательный вверх подняла. — Первые четверо — женщины-физики при мужьях физиках. А Галина Борисовна сама по себе физик. Муж у нее — химик.

Так мы и выполнили задание. Пятерки нам Сергей Петрович поставил. Но я думаю: не это главное. Главное — учителя у нас классные. А круче КГБ и во всей мировой науке женщины-физика нет. Куда там до нее каким-то Кюрям! Даже если их две.

Татьяна Поройкова. ТРАВКА ЗЕЛЕНЕЕТ

Солнышко блестит. Ласточка с весною в сени к нам летит... Марина раскачивается все выше, повторяя про себя рифмованные строки. Движение диктует ритм, задает все ускоряющийся темп, наполняет сердце необъяснимой радостью. Та врзается в ветер, рассекает его, преображая мир. Радостно все: ржавые крыши гаражей, сутулый дом с полуразрушенными балконами, а главное — зелень. Она несется навстречу веселыми, упрямыми шпажками травы, победно блестящей юной листвой деревьев; снова отдаляется, оттесненная цыплячьей желтизной весеннего солнца. Зелено-желтые круги бьющего в глаза света заполняют сознание. Страх шумным вздохом вырывается из Маринкиной груди и тут же исчезает под натиском непреходящего и необъяснимого блаженства.

— Марина-а! — голос отца прорывается в сияние света и ветра.

Папа! Марина улыбается, перестает раскачивать легкую деревянную лодку. Движение качели становится медленней, мир устойчивей, а радость обретает новые очертания. Папа! Марина несколько раз моргает, зажмуривается, чуть приоткрывает ослепленные весенним светом глаза и видит его: высокий, худой, он стоит посреди двора, приложив руку козырьком ко лбу, шурится от солнца.

Он зовет ее, готов с ней играть, читать, разговаривать. Марина замирает от восторга, качели замирают тоже. Девочка выпрыгивает из лодки, бежит к отцу. Тот раскидывает в стороны длинные, с узкими кистями, узловатыми пальцами руки, подхватывает Марину, отрывает от земли, сразу опускает обратно.

— Тяжелая какая! Большая выросла.

Дочь прижимается к нему, они на пару секунд застывают, затем отстраняются, держась за руки, улыбаясь друг другу.

— Мама ждет. Пойдем.

Марина не выпускает папиной руки, тянет его за собой. Он смеется, ускоряет шаг и уже почти бежит, выбрасывая чуть в стороны длинные ноги, за своей такой большой маленькой девочкой.

В квартире пахнет пирогами. Этот аромат сливается с легким запахом книжной пыли, создавая неповторимую атмосферу дома. Марина прочла недавно новое слово: аура. И теперь, думая о доме, мысленно произносила его. Аура их семьи, такой разной и привычной, складывается из исследований папы, бизнеса мамы, нечастых и долгожданных приездов деда, редких вечерних посиделок и обязательных совместных завтраков. Всего не перечислишь! Да и не надо перечислять. Марина не любит подсчеты, цифры. Жизнь, разложенная по полкам, перестает быть настоящей. Когда все предсказуемо, люди становятся игрушечными, как солдатики на полях папиных исторических реконструкций.

Осенью в кабинете на специальном столе была развернута панорама Бородинского сражения. Марина знает ее наизусть: Багратионовы флеши, батарея Раевского, конница в резерве... Тогда она рассказывала о битве при Бородино на уроке истории. Это был ее триумф. Марина говорила, а перед глазами вставали картины боя, и слова сами складывались в образный, яркий монолог. Учительница сказала спасибо. А уж как гордился папа, узнавший от Алёны Сергеевны о блестящем выступлении дочери! И в глазах одноклассников она видела уважение и искренний интерес. Только ненадолго... Они быстро вернулись к разговорам о модных трендах, клипах. Общаться со странной заучкой, играющей в солдатики, — зачем? Нет, Марину никто не обижает, обычно просто не замечают. Дед говорит: ей повезло с классом — бывает хуже.

Как-то она подошла к девчонкам, прислушалась: уловила в разговоре знакомые названия: «Ария», «Алиса», «Нирвана».

— Я знаю эти группы, — одноклассницы обернулись, обсуждение стихло.

— И зачем тебе это? — вопрос прозвучал холодно-отстраненно.

Марина развернулась, отошла: «А правда, зачем?» Больше вписаться в компанию она не пыталась.

Но это в прошлом. А сейчас ранняя, неумолимая в безрассудной смелости весна вырастает в жаркое лето, и с ним приходит пора каникул. Их Марина особенно ждет. Ожидание вытягивает силы, мешает сосредоточиться на будничных заботах, почти лишает воли. Когда же!? Когда!?

На столе тем временем вырастает панорама Ржевской битвы: высоты, дзоты, Вазуза, Волга, Сычевка, Погорелое Городище, Зубцов, Карманово. Марина изучает форму советских и фашистских войск, старательно прорисовывает детали. Особенно интересны знаки отличия: петлицы, нашивки, эмблемы родов войск. Это увлекает, но не отменяет томительной жажды предстоящего путешествия.

Приезд деда — всегда праздник, долгожданный и неожиданный. Он входит, седой, чуть сутулый, запыхавшийся — третий этаж все-таки! — прислоняется к косяку. Марина ждет: надо дать отдышаться, помочь снять рюкзак, потом наконец... Теплые, добрые руки обхватывают ее, она отвечает объятием.

— Ну-ка, ну-ка, покажись, красавица.

Марина смеется, кружится, снова бросается к деду.

Вечером они сидят в Марининой комнате. За окном светло, слышны резкие крики ворон и чаек, невнятный отдаленный гул людских голосов. Клейкая весенняя листва уже украсила грубые тела деревьев. Окно открыто, и в прозрачной свежести ветерка угадываются легкие ароматы нежной зелени, заходящего солнца, покоя и радости. Радостью пропитан сейчас весь Маринин мир: она делится с дедом планами предстоящей поездки:

— А главное, мы найдем могилу прадеда.

Дед подтягивает к себе сумку, достает потрепанное портмоне, осторожно вынимает фотографию, чуть пожелтевшую, с надорванным уголком. Марина внимательно рассматривает детали. Вот бабушка — ее она совсем не помнит, но знает: та была рада рождению внучки. Вот на руках крупного молодого мужчины мальчик в матроске, светлые волосики тщательно приглажены, взгляд настороженный. И наконец, сам глава семейства, прадед, сидит, чуть откинувшись назад, прижимает к себе сына. Он спокоен и счастлив: рядом любимая женщина и долгожданный ребенок. Дед переворачивает снимок — на обороте крупным неровным почерком надпись: «21 июня 1941 года». За день до начала войны. Марина читает, и ее охватывает новое чувство: теперь она видит тревогу в глазах женщины, спокойное принятие собственной судьбы читается в лице мужчины, и только ребенок искренне увлечен процессом съемки. Они не ведают, что случится завтра, а она, Марина, знает. И это знание разливается в груди холодком тревоги.

— Я бы с вами поехал, да вот... — Дед стучит палкой в пол. — Да и здесь не все в порядке, — он прикасается ладонью к груди, — еле забрался по вашей лестнице.

Марина молча прижимается к старику, чем утешить, она не знает. Хотя...

— Я буду записывать для тебя все самое важное.

Марина берет со стола блокнот, ручку, карандаш, перекладывает в пакет. Туда же опускает фигурку недорисованного солдатики. Смотрит на деда и удивляется переменам: в глазах — холод, в голосе — сталь:

— Ты понимаешь, что там, куда вы едете, игрушки неуместны?

Она молча кивает, не осознавая, что расстроило дедушку. Солдатык возвращается на стол.

И вот учебный год наконец заканчивается, скоро они с папой сядут в поезд и отправятся в путешествие в историю. Так отец говорит, и дочь ему верит. Марина счастлива: наконец-то он оторвется от своих книг, рукописей, баталий разных эпох.

Нет, Марина любит рассматривать с отцом солдатиков, но что может сравниться с настоящим приключением! Еще зимой они с дедом сидели над старым альбомом. Черно-белые тусклые фото, красивые, странно напряженные лица. Длинные платья женщин, стоячие воротники форменных мундиров мужчин. Другой мир... Марина думает, что туда ведут разные пути: папина военная история, дедушкины семейные альбомы, прически, которые создает мама в своем салоне. А ее дорога — через костюмы. Они интереснее всего. Будь то мундиры разных полков наполеоновской эпохи или бальные платья дам начала XX века, или фантастические наряды героев «Звездных войн». Особое удовольствие — раскрашивать папиных солдатиков. Они маленькие, понарошечные, и сражения с участием таких совсем не страшные. А папины приговорки: «Бац-бац и мимо»; «Впереди на лихом коне»; «Кто не спрятался, мы не виноваты» — только усиливают впечатление забавной, легкой игры.

Вот и сейчас в небольшой рюкзак Марина положила пакет с блокнотом и карандашами — и не только для записей, порисовать тоже успеет. А в кармане все-таки солдатик — единственный. Куда ж без него!

Марина и папа уже стоят в прихожей. На спинах — рюкзаки, на головах — панамы, в руках у каждого — небольшой пакет с едой. Мама собрала в дорогу. Она грустит: тоже поехала бы, но куда тут сорвешься в сезон выпускных! Это ж сколько девчонок без причесок останется! А Марина не знает, хочет ли она, чтобы мама отправилась с ними. Пусть недолго, но папа будет принадлежать только ей. Ради этого она готова ехать куда угодно. Немножко стыдно перед мамой... Марина обнимает ее крепко-крепко.

А теперь — прыжок! Это их с папой ритуал. Они берутся за руки, чуть наклоняются вперед и взлетают вверх вместе с резким взмахом рук. В папином рюкзаке что-то лязгает. Марина победила — ее вещмешок собран правильно. Впрочем, как всегда, папа подыгрывает своей маленькой девочке. Раньше Марина верила в собственный успех, и они вдвоем смеялись над папиной неуклюжестью. А теперь она ощутила легкое раздражение: сколько можно комедию ломать! Не малышка уже — четырнадцать скоро! Марина досадливо дернула плечом. Чуть звякнул и оборвался мамин смех, погасла папина улыбка.

— Ну, вы чего? Давайте посидим перед дорогой, — Марина пыталась сгладить неловкость, обижать родителей все-таки не хотелось, лучше потерпеть.

Они примостились на пуфики в прихожей. Отец быстро переложил так некстати лязгнувшую посудину. Потом короткий вздох, хлопок ладонями по коленям. Все встали. Пора.

Такси уже стоит у подъезда — желтая машина с крупной красной надписью на боку. Свежепомытая, блестящая, как и все это летнее утро, пропитанное недавним дождем и вездесущим солнцем. Марина и папа устраиваются на заднем сиденье. Вперед никто садиться не хочет. Рядом — лучше. Рука к руке. Марина прижалась к отцу, тот чуть отстранился, достал из кармана телефон:

— Позвоним деду?

Она кивнула:

— Я сама.

Быстро набрала знакомый номер. Дед ответил сразу — ждал.

— Привет, дедушка, мы едем, — слова прозвучали так радостно, что папа улыбнулся, и даже водитель такси хмыкнул, приобщаясь к счастью пассажирки.

— Ангела в дорогу, — родной хриловатый голос, легкое покашливание. — Ты помнишь, что обещала?

Марина замерла — забыла! Постаралась, чтоб ответ прозвучал уверенно:

— Конечно. Я буду вести дневник путешествия.

Показалось, она увидела, как дед кивнул и улыбнулся. Они быстро попрощались — сотовая связь стоит дорого.

* * *

Вот и вокзал. Суэта захватывает сразу. Сухонькая бабулька торопливо семенит за тележкой носильщика, на которой едут ее чемоданы; спорят о чем-то два пацана в грязной, поношенной одежде; дама с высокой прической, оказавшаяся рядом с ними, шарахается в сторону, резко дергая за ручонку малыша лет шести, увлеченно сражающегося с чупа-чупсом. И над всем этим металлический голос диспетчера: «Уважаемые пассажиры! До отправления скорого поезда... остается пять минут. Просим пассажиров занять свои места, а провожающих выйти из вагонов...» Вот спускается по ступенькам солдат на костылях, форма украшена самодельными аксельбантами, одна штанина подвернута, конец ее заправлен под ремень. Папа, заметив пытливый взгляд Марины, быстро переключает ее внимание — их электричка уже на подходе.

Полупустой вагон встретил духотой прокаленного солнцем помещения. О кондиционере он, видимо, не слышал. Хорошо хоть окна открываются. Устроившись на деревянной скамейке, отец вздохнул:

— Радость остеохондроза.

Он ткнулся в книгу и замер, мгновенно погрузившись в чтение. Марина смотрела в окно. Тук-тук... тук-тук... Мерный стук колес убаюкивает. Перелески, дома, крохотные станции сливаются в нескончаемую череду зелени деревьев, зарослей борщевика, ромашковых лугов. Глаза закрываются. Сон накрывает вуалью видений.

Высоко ли, низко ли, далеко ли, близко ли, во стране далекой, за рекой широкой, против неба — на земле, во деревне — во селе жили-поживали, хлебы высевали, баньку топили, рыбу ловили, сено косили, дождика просили: тучи-облака, широкая ладонь как покроет небо, вырвется огонь, громом грянет долгожданная гроза, с неба частая покатится слеза, напоит-накормит травы и цветы, разбежится далеко — на три версты...

Хрипловатый, размеренный голос деда прерывается неожиданно громким:

— Ать-два... ать-два... ать-два...

По дороге через поле идут солдаты, втаптывают сапогами и без того прибитую дождем пыль. Гроза прошла, пахнет влажной землей, свежeweымытой зеленью. Марина стоит на обочине и понимает: что-то не так. Ать-два, звук шагов... А ноги не двигаются! Солдаты словно плывут над дорогой. Игрушечные! И в ту же секунду Марина оказывается внутри строя. В самом центре. Она пытается оглядеться — устоять на месте невозможно. Следующий ряд неумолимо надвигается. Твердое дерево упирается в ногу чуть выше лодыжки. Больно. Марина делает шаг, другой... И вот она уже часть этого странного движения. Вокруг застывшие маски рисованных лиц, руки, раз и навсегда слившиеся с винтовками, мундиры с фалдами, высокие обшлага, кивера. Солдаты русской армии времен войны с Наполеоном!

Паника. Она поселяется тревожным томлением в груди, захватывает сознание. Марина пытается локтями растолкать солдат, выбраться наружу — к траве, солнцу, живому звучанию летнего луга. Ать-два.. Ать-два.. Губы Марины уже шепчут эти слова, ноги движутся в такт. А-а-а-а! Она кричит и рвется сквозь строй.

Ту-ту-ту!.. Резкий, сверлящий звук рвет вязкую пелену сна. Марина открывает глаза. Локти, плечи болят от ударов по дереву. Она осматривает руки — синяков нет. Сон. Слава Богу, кончился. Боль проходит. Она смотрит на отца — тот на нее.

— Проснулась? Иди сюда. Глянь, что пишут.

Марина пересаживается на лавку к отцу, опускает руку в карман, крепко сжимает фигурку солдатики. Дерево впивается в ладонь. Выкинуть бы его в окно — фрамуга как раз приоткрыта. Но нельзя! Приедет домой — поставит потихоньку на место. А пока...

«Война накрыла Зубцовский район стремительно. В сентябре 41-го начались первые бомбежки, а 11 октября немцы вошли в город и практически за несколько дней оккупировали весь район. Жесткий фашистский режим стал большим испытанием и трагедией. За это время нацисты сожгли 116 деревень, уничтожили 49 школ. На каторжные работы угнали свыше 3500

человек. 2000 мирных жителей умерли от голода, еще несколько тысяч погибли, многие были замучены и расстреляны.

В августе 1942 года советские войска освободили Зубцов. Город лежал в руинах».

Марина ловит себя на странном ощущении: страницы не оживают — никаких картин не встает за строками, перед глазами просто буквы. Смысл понятен. И что? Ни-че-го. Более того, она боится собственного воображения. Сон еще живет в ней тенью безотчетного страха. Папа выжидательно смотрит на дочь. Обычно Марина реагирует живо: задает вопросы, и информация из книги становится началом диалога. А сейчас просто:

— Спасибо. Поняла.

И снова взгляд в окно. Марина всматривается в даль проплывающих лугов. Никаких солдат нет. Слава Богу. Она достает бумагу. Это будет первый рисунок дневника.

Отец заглянул в блокнот:

— Выразительно получилось. Ты у меня самая талантливая.

Он положил руку Марине на плечо. Девочка благодарно потерлась о нее щекой и вместе с отцом стала смотреть карту Зубцовского района.

Сычевка, Погорелое Городище, Тимонино, Зеваловка... Названия откладывались в памяти. А еще число — сорок одна братская могила.

— Мы, явно, не успеем обойти все.

— Вероятно, все и не понадобится. Есть шанс, что твой прадед похоронен где-то здесь.

Отец очертил на карте круг. Внутри оказалось несколько деревень. Но и до них еще надо добраться.

Марина слушала гулкое дыхание поезда. Обещание, данное деду, помнила, но писать пока не хотелось.

Поезд приблизился к станции Зубцов. Зеленый деревянный домик с обозначенными белой краской силуэтами наличников, пыльная сирень над скамейкой у входа, асфальт в трещинах и выбоинах — декорация плохого фильма о провинциальном городке. Но нет, все настоящее. И они с отцом тоже. Вот он с наслаждением потягивается, разминая затекшую спину. Духота вагона осталась позади, а дышать легче не стало. Мареву полдня жаркой дремотой накрыло Зубцов. Марина бредет следом за папой, ощущая физически текучую субстанцию истомленного зноем воздуха.

Наконец-то гостиница — типовая трехэтажка на склоне холма. Прохлада небольшого двухместного номера. Односпальная кровать, пахнущая чистым бельем, кажется раем. Теперь полчаса отдыха, обед... и в путь.

Краткая передышка придала сил, и вот они с отцом уже поднимаются на Московскую гору. Солнце нагрело каменные ступени, жар проникает сквозь подошвы, заставляя быстрее передвигать распаренные ноги. Наконец, перед ними мемориал. В списке более одиннадцати тысяч павших — прадеда здесь нет. Они всматриваются снова в буквы, выбитые в камне. Нет. Долго стоят, смотрят окрест с холма. Местность неровная. Она то поднимается широкими волнами, то опадает, спускаясь к реке. Волга или Вазуза — не понять — неширокая, быстрая, окаймленная рыжими берегами в яркой зелени трав. Обрывы невысокие, но крутые. А над всем распахнулось небо в резких прорезях облаков. Покой и воля...

— Высоты, — выдыхает отец.

Покой рушится. Марина понимает: вот они, те, что описаны в книгах, показаны в фильмах. «Взять высоту»! — И рвутся вперед воины, падают, их место занимают другие... Высота взята! — И перед глазами оставшиеся в живых — усталые, изможденные, вдохновленные победой. Картины возникают в сознании, перемежаясь с панорамой игрушечной битвы. Той, оставшейся дома на столе в кабинете. Марина сжимает в кулаке солдатику, быстро, как от ожога, отдергивает руку. В гостиницу возвращаются медленно, молча несут груз неожиданно свалившихся откровений.

* * *

За окном номера застыло вечернее небо. Сумерки надвигаются, но еще видны темно-серые очертания усталых от зноя облаков. Марина берет карандаш.

Рисование успокаивает, высвобождает воспоминания.

День первый

Сегодня поднимались на Московскую гору. Мемориал большой. Искали прадеда по фамилии. Сидоровых много, но имена и отчества не совпали.

Вид с холма потрясающий. Река в желто-зеленых берегах. Простор и покой. А когда-то здесь шли бои, и не игрушечные. Наши солдаты брали за высотой высоту.

Завтра идем дальше. Маршрут прочерчен.

Она откладывает ручку в сторону. Мыслей много, а слова не идут, становятся картонными, лишь оказавшись на бумаге. Марина перечитывает текст. И на вкус такие же — картон.

Значит, время спать.

Сон моментально погружает в странное иномирие. Она на вершине холма. Небо низкое, плоское, прорезанное узкими лезвиями серых облаков. Кажется, протяни руку и коснешься их обжигающе холодной стали. Солнца нет. Внизу тянется серо-голубая рябь реки. Ать-два... Ать-два... Марина замирает, вглядывается в далекую зелень луга. Солдаты идут ровным, безжизненным строем. Деревянные ноги не движутся, винтовки навечно прикованы к рукам. Опять они. Страх отзывается внутренней дрожью, холодом сковывает сердце, вынуждает задержать дыхание. Звук становится тише. Строй игрушечных воинов отдаляется. Они спускаются с холма к реке. Вот и край берега. Ать-два... Ать-два... Первые ряды входят в воду, будто не замечая ее. Движение не прекращается. Марина смотрит, как исчезает в волнах ряд за рядом. Сердце бьется где-то у горла. Ужас накатывает черной лавиной, крик рвется из груди.

А-а-а!... Марина просыпается от собственного голоса. Солнце заливает комнату розоватым утренним светом. Небо голубо, облака пушисты и кудрявы. Из ванной комнаты доносится плеск воды и негромкое пение отца.

Марина выдыхает, прикрывает глаза и тут же распаивает снова — надо удержаться в реальности. Продолжения сна совсем не хочется.

Появляется отец, встряхивает влажными волосами, улыбается дочери. Марина быстро целует его в щеку, проходит в ванную. Теплые, почти горячие струи воды уносят остатки видений. Впереди новый день.

Дорога в светло-бежевой пыли далеко видна в густой зелени луга. Путники движутся медленно. Они уже прошли одну деревню: одинаковые дома, выстроившиеся в ряд, воинское захоронение в центре. Семнадцать тысяч. Цифра впечатляет. Их родственника в списке нет.

* * *

До следующей деревни два километра. Вроде недалеко, но усталость уже наливает тяжестью ноги, заставляет опускаться плечи. Деревни пока не видно, она на той стороне пологого холма. А вокруг зелень. Марина останавливается в изумлении. Как она раньше не замечала! Какая здесь трава! Густая-густая! Зеленая-зеленая! Наверно, сорт какой-нибудь особый посадили. Очень красиво! А ярко — аж до рези в глазах. Марина глубоко вдыхает, словно наполняясь изнутри ясным зеленым светом. И путь до деревни теперь не кажется таким долгим.

Вот уже сбегает с холма цепь похожих друг на друга домов. Между ними сады. Храмов нет. Вдруг возникает мысль о нереальности, искусственности картины. Ну, да... У деда в деревне все дома разные: идешь и видишь вросшие в землю лачужки, между ними — дворец нувориша, ухоженный двор добросовестного хозяина и запущенный участок нерадивого огородника. Вот и здесь, чуть в отдалении, красуется вычурной отделкой каменный коттедж. Только остальные дома, выстроенные в линейку, кажутся близнецами, специально нарядив-

шимися в разную одежду. Сними легкий налет внешней индивидуальности — и перед тобой одинаковые по сути организмы.

Путники остановились у колодца — напиться и наполнить фляги. Марина присела на лавку. Хорошо. Влажное дерево через одежду чуть охладило кожу, создавая иллюзию прохлады. Две женщины с разных сторон приблизились к срубу, увенчанному журавлем, поздоровались, остановились в ожидании. Отец медленно вытягивает ведро, чуть расплескивая, выливает воду во фляги. Марина обращается к женщинам:

— Скажите, почему многие дома так похожи?

Одна из них оценивающе смотрит на девочку:

— А ты догадайся. Или у Петровича спроси: есть тут у нас экскурсовод копеечный — он все расскажет, покажет, а захочешь, и попробовать даст.

Ирония, недобрая, с ноткой агрессии, звучит в ее словах. Марина отводит взгляд — почему-то становится стыдно.

— Ну, чего девчонку пугаешь, — вмешивается крепкая, высокая женщина постарше, — тебе, милая, и в самом деле лучше к Петровичу пойти. Уж он все объяснит. А если какую копеечку спросит — дай, не жалея: жить-то им со старухой надо.

Отец отходит от сруба, встает рядом с Мариной:

— Где найти Петровича?

— Да все там торчит, — женщина машет рукой в сторону мемориала.

— Рыбак... Вот вы ему и попадетесь, — не унимается «вредная тетка». Именно так Марина называет ее мысленно. Она злится на себя за то, что стушевалась, не смогла дать отпор, и обращается только к женщине постарше:

— Спасибо.

Легкий поклон на прощание — привычка, усвоенная от деда.

Мемориал встречает тишиной и неподвижностью вечности. Шум крыльев стрекоз, щебет кузнечиков в траве, пение птиц в глубине неба — все осталось там, в другом мире. Здесь властвует холодная неприступность черного камня. Марина берет отца за руку, он тихонько сжимает ее ладонь — тепло живого человеческого тела придает силы, теснит почти физическое ощущение присутствия смерти. Они вглядываются в бесконечную череду серебристых букв на черном мраморе. Есть! Имя деда останавливает скользящий по камню взгляд, выплывает из страшного списка и становится единственным, что видят сейчас путники.

А потом среди тишины возникает голос. Сначала женский — низкий, грудной, из самой души рвущийся и в душу проникающий. К нему присоединяются тонкие переливы колокольчиков — поют дети. «Упокой, Господи, души раб твоих...» Невысокая молодая женщина стоит, подняв голову, рядом два мальчика лет восьми-деяти. Кажется, они смотрят чуть выше камня, туда, где обрывается черный мрамор и возникает небо — глубокое, бесконечно прекрасное. Разорванный надвое мир соединяется, чернота горя заменяется светом печали, непреходящей, но не безнадежной. Последние ноты песнопения растворяются в звуках победившей жизни.

— Хорошо-то как... — Марина оглядывается. Рядом стоит старичок-лесовичок: маленький, худенький, в смешной мятой панаме, рубашке навыпуск, коротковатых летних брюках и сандалиях на босу ногу. В близко посаженных круглых светлых глазках, нависающем носе, почти безгубой полоске морщинистого рта проглядывает что-то птичье, но не хищное, а домашне-куриное. Грустный внимательный взгляд, жидкая неровная борода — ни дать, ни взять сказочный персонаж. Нарисовать бы такого!

— А вы, наверно, Петрович? Экскурсовод? — отец высвобождается из-под власти чарующих звуков. — Нам вас рекомендовали.

Втроем они идут по деревне. Иван Петрович рассказывает спокойно, обстоятельно.

— Вот так и вышло, что в сорок втором здесь ничего не осталось, ни домов, ни деревьев. От церкви только фундамент уцелел. Кто землянку вырыл, кто блиндаж брошенный занял.

Выживали до конца войны, а уж потом деревню отстроили заново всем миром. Вишь, домики какие ладные.

Петрович машет рукой вдоль улицы. Так вот почему дома одинаковые! Строили в одно время и по одному проекту — не до изысков было, дать бы людям крышу над головой.

Они выходят за околицу. Здесь шла линия обороны. Стены окопов укреплены тяжелыми бревнами. Дерево уже потемнело, подгнило, осыпается под рукой, всюду упрямо пробивается вездесущая трава. В блиндаж заходить не решились — крыша в одном месте сильно просела. Опасно. Надо вылезать. Марина упирается в край окопа, подтягивается, легко выбрасывает тело наверх. Отец и Иван Петрович поднимаются по еле видимой земляной лесенке. Марина смотрит вокруг, следы войны тревожат, будоражат сознание. Кажется, она что-то упускает. Но что? Мысль ускользает, не желая оформляться в слова. Вот! Поймала! Двадцать тысяч имен там, на стене памяти. И на другой — семнадцать тысяч... И еще девять... И раньше — одиннадцать... А есть еще кладбища мирных жителей... И захоронения фашистов...

Опустошающей волной страха приходит понимание: земли не было. Были тела... Слой... И не один. Шевелящиеся груды. Слабеющее дыхание. Марина замирает, не в силах сделать шаг. Мир выцветает, сереет. И только яркая вспышка: трава! Она на крови! Марина прынула назад, руки отца подхватили ее, не дали упасть. Слезы хлынули потоком. Она что-то говорила, кричала. Отец нес ее на руках, прижимая к себе, успокаивая. Марина не понимала слов — только интонация, ласковая, мягкая, проникала сквозь боль. Он посадил дочь на скамью у мемориала. Марина еще всхлипывала, но все тише и тише. Она приникла к отцу, будто ища защиты от неожиданно нахлынувшего страдания.

Запахавшись, присеменил Петрович:

— Что ты, девонька! Что ты! Шисят лет прошло. Нет уж давно той травы! Смотри, мир кругом да благодать.

Марина умом понимала: он прав. Но смотреть вокруг было невыносимо: «А они здесь живут! Как?» Марина ткнулась в плечо отцу, закрыла глаза. Он не торопил.

Назад шли медленно. Хорошо, что тропка широкая, не надо прикасаться к густой, яркой зелени. Есть и пить не хочется — дойти бы. Отец понимает состояние Марины и ни на чем не настаивает.

Вот и гостиница. Марина подходит к урне у входа, вынимает из кармана игрушечного солдата, опускает в распахнутый рот металлического пингвина. Громкий стук. Тревожный взгляд отца. И они входят в здание. Рубеж пройден — игры кончились.

В номере прохладно и тихо. На столе рисунки и так неудачно начатый дневник. Марина уверена: и напишет, и нарисует... потом. А сейчас — опустошение и усталость. Она ложится в кровать, сон приходит голосом деда.

И закончится великая вражда, и навеки сгинет страшная беда. Над полями, над лугами, над рекой воцарятся в мире воля и покой. Новым семенем покроется земля, расцветут весной широкие поля. И росой чистой травы заблестят, и над ними в небе птицы полетят.

Анна Георгиева. УЛЮБЛЕНА ЛОЖЕЧКА

— Где моя волшебная ложка? В ведро нечаянно не выкинули? Это же величайшая ценность!

Утро всегда начиналось с поиска ложки. Обычной оловянной, ничем не примечательной на первый взгляд, с расширяющейся лопаточкой-ручкой, напоминающей шпатель. Ни одно утро не обходилось без церемонии употребления дешевого кофе с пенкой, когда из уголка чашки прямо в глаз нацеливался вышеупомянутый шпатель священной ложечки.

Эта особая «педагогическая» ложка, несомненно, приносила удачу: ученики не паковали, хорошие оценки получали, коллеги становились добрее, тетради проверялись быстрее, душа напевала. Однозначно, тон всему дню задавала ложка!.. Мне ее сунула мама в очередной несчастный наш приезд. Именно «сунула»! Когда все было собрано, она вдруг откуда-то вытащила серую ложечку и сообщила: «Бабушки твоей ложка. Забери». Причем нейтральное, даже с оттенком доброты предложение почему-то прозвучало двусмысленно, как будто в воздухе повисло: «Выкину». Может, показалось?

Почему же серая ложечка вдруг стала «волшебной» и «педагогической»? Скорее всего, как и появление многих устойчивых традиций, истоки «ложечного ритуала» случайны...

...Маленький пластмассовый самолетик еле держится в детских руках. Ухватив его покрепче, девочка долбит похожий самолет в маминой руке. Они играют в воздушный бой. Мама поддается. Но ребенок этого не понимает и ликует!

— Конечно, твой ловкий ястребок победил моего неуклюжего бомбардировщика, — с напускным огорчением произносит мама.

Она уедет в этот день, на все лето оставив дочку у бабушки. Девочке будет грустно до слез: «Зачем я так хотела победить? Вдруг она обиделась? Может, она бы не уехала, если бы победил ее самолетик?»

Наивные детские горести подкрепляет бабушкино ворчание: «Улетела наконец-то. Кацапка!» Девочка чувствует негативную окраску, но не понимает слово «кацапка». А спросить строгую бабушку Нацу не решается.

Но старушка с белыми волосами, подвязанными чистой аккуратной косыночкой, неожиданно превращается из строгой для матери девочки в добрейшую — для внучки. Она грустно и ласково улыбается. Глаза ее, наружным уголком опущенные немного вниз и оттого всегда печальные, тем не менее лучатся добротой. Она рассказывает внучке много стихов, сказок, иногда переходит с русского языка на какой-то малопонятный, хотя похожий на русский...

— Так, дитятко, вижени ти цю муху. Це ж зараза!

— Щекотная она, бабушка Наца, будто гладит лапками.

— Ти не розумієш. Вона противна!

В маленьком уютном дворике, где раскидистая тень от шелковицы, тесно переплелась с абрикосовым деревом, рыжеволосая маленькая девочка развлекает себя игрой с огромной золотистой мухой. Бабушка, не скрывая любящей улыбки, увещевает внучку прогнать надоедливую муху. Жаркое украинское лето заставляет всех искать тени в полдень: и уставшую бабушку Нацу, и ее беспокойную рыжую внучку, и надоедливую муху...

— Дай розчешу тебе, онучка. Знаєш віршик, послухай віршик: «Там котик усатий по садику бродит, а козлик рогатий за котиком ходит...»

Небольшой городок Пологи в Запорожской области. Темный прохладный дом. Шелковица с кляксами раздавленных ягод. Абрикосовое дерево, создающее хоть какую-то тень в небольшом дворике. Там же несколько клетей с кролями. Животные тоже томятся от жары и прячутся в глубь своих хибарок. К пушистым зверькам привязываться нельзя, потому что их надо будет съесть... для здоровья. Недалеко от дома подобие детской площадки, на которой

одинокое накренилась облупленная железная лесенка в виде круглой и глупой курицы. Рядом огромный полупустой продуктовый магазин, в котором всегда есть ириски, затвердевшие от времени, но такие сладкие...

Лето было жарким, долгим, разнообразным, наполненным всполохами, ставшими какой-то витражно-винтажной мозаикой воспоминаний. Это последнее дошкольное лето. Последний год седьмого десятилетия двадцатого века.

«Кацапка не приедет!» — бодро отрапортовала бабушка, получив телеграмму. Через несколько дней был большой праздник — приехал папа — любимый единственный ненаглядный сын бабушки Наца.

Детская память выхватывает яркие всполохи!

— Поедем к Гулым на Гуляйполе!

Трясемся с папой в вонючем пыльном автобусе. Потом сидим в саду, полном сливовых деревьев. Едем на велосипеде, точнее — крутит педали он, а девичья ножка, неудачно свесившаяся с багажника, попадает в спицы. Боль — ерунда, когда ты с папой...

— Надо бы в Запорижье сгонять!

Опять трясемся в душном автобусе. Тревожит название, видимо, уже знала, что Париж во Франции, неужели так далеко ехать? «Запорижье» оказалось Запорожьем на местном диалекте. Там жарко-прежарко. Папины слова под платаном: «Ничего себе! Сорок в тени!»

— Едем в Бердянск! Взял места в пансионате, прямо у моря!

Память держит запах: моря, ракушечника, креветок. Жили у самого побережья Азовского моря. По ночам оно пело... В один из чудесных дней чуть не утонула у берега, тощим тельцем провалившись в дырку детского круга. Папа спас... По вечерам часто ели мелких пахучих креветок, которые бабки насыпали, как семечки, в свернутые конусом бумажные пакеты. Сидя на пирсе, смотрели вдаль — на закат, представляли, что там — за горизонтом, выкладывали замысловатые узоры из ракушек, их дорожки уходили в бесконечность...

Потом вернулись в Пологи. В памяти тихий-тихий вечер с неподвижным воздухом, который, кажется, можно потрогать. Вот и старая знакомая лесенка-курица на детской площадке неподалеку. Ночь быстро накрывает темными крылами землю — такие темные и звездные ночи бывают только в южных краях... Никто не заставляет идти спать. Папа и бабушка долго-долго говорят обо всем, никак не наговорятся... Утром мы уезжаем.

Уезжаем в поезде с папой. Провожает нас бабушка Наца. Перрон длинный и низкий. Окно вагона вровень со статной фигурой бабушки. Она в своем неизменном аккуратном платочке, покрывающем белые волосы. Прямая спина, передничек, подчеркивающий сохранившуюся фигуру. Она идет по перрону долго-долго. Так и идет бесконечно в памяти многострадальная гордая украинская женщина...

На ее жизнь, начавшуюся почти одновременно с веком — в 1904 году, выпало столько, что хватило бы на роман-эпопею. Она могла бы написать такое произведение. С ее-то умом, знаниями и образованием! В 20-е годы XX века она закончила филологическое отделение Харьковского педагогического института. Преподавала немецкий и французский языки, знала польский, и, конечно, два основных — украинский и русский.

Но роман-эпопею она не написала. Была немногословна. Лицо ее всегда освещала грустная полуулыбка четко прорисованных губ, глаза с опущенными внешними уголками придавали ему оттенок светлой печали, округлый овал лица с возрастом удлинился, но и брыли не портили его, а добавляли законченной мягкости и доброты... Время научило ее молчать!

В последние летние дни последнего года седьмого десятка двадцатого века она шла за вагоном, увозящим на далекий Урал любимого единственного сына, непоседливую внучку и маленькую ложечку с плоской ручкой, похожей на шпатель. Последнюю взяли случайно, вероятно, чтобы кормить внучку с индивидуального столового прибора...

Ложка больше не вернулась обратно. Внучка тоже, как оказалось, видела бабушку в последний раз. Сын через пару лет развелся с «кацапкой»... А потом опоздал всего на несколько часов — не успел проститься с той, которая так ждала его и жила им...

— Знаєш віршик, послухай віршик. Візьми ложку і куша кашку. Їж онучка за мого батька, твого прадіда.

Небольшая ложечка с ручкой, напоминающей шпатель, наполняется...

Звали его Федор Онищенко. Род свой вел он от Запорожских казаков. Работал машинистом паровоза — должность почетная и ответственная. Раз как-то на его паровоз села лихая ватага во главе с атаманом. Прадед хоть и суров был, но заволновался, ведь то сам батька Махно был. Надумал Нестор Иванович в картишки перекинуться. С кем? Да хотя бы с начальником поезда. Федор хоть и говорил потом, что поддавался, но по хитрому прищурю видно было, что, возможно, по-настоящему проиграл. Да и нельзя иначе было, ведь, кто знает, что у анархиста на уме. Власть тогда могла несколько раз за день поменяться...

Содержимое ложечки съедено, о прадеде и предках славных не забудется.

— З'їж ще ложечку за меленьку дівчинку!

Умерла она давным-давно от глотошной, раньше в тех краях так скарлатину называли. Бабушка так и не рассказала никому настоящую историю своего первого брака. По одной версии первый муж ее был шахтер на Донбассе, да погиб при обвале шахты. По другой — не за тех воевал, да был расстрелян. Голод и болезни в 30-е годы унесли немало народу, в том числе и маленькую дочку Наца...

— З'їж ще ложечку за діда твого.

Звали его Михаил Попов. С Обояни его на Украину занесла судьба. Интеллигентный человек, инженер с высшим техническим образованием. Пропал в годы войны. Из плена бежал, да в штрафной батальон попал. Так и погиб где-то...

Пока поглощалась эта ложечка за деда, появилась целая повесть «Пять шагов судьбы», посвященная ему и всем, кто погиб в годы Великой Отечественной войны. Нашелся в 90-е годы Михаил Попов в братской могиле в селе Ракитное Белгородской области — совсем недалеко от его родимой Обояни Курской области. Сын нашел, поисковые отряды помогли.

— Так і за мене, свою бабусю, ложечку кашки з'їж.

Получив похоронку, Наца пополнила ряды сильных женщин, которым предстояло в одиночку нести ответственность за будущее ребенка, родившегося накануне войны, в январе 1941 года. Она не любила рассказывать о периоде оккупации, который пережила как могла. Ее знание нескольких языков позволило избежать многих ужасов оккупационного режима. В ту пору она жила в многострадальной Макеевке, что на Донбассе. Работала в немецком штабе переводчицей. Запомнилась история, как однажды она не застала дома маленького сыночка своего. Соседки, на попечении которых он был, рассказали, что немцы увезли его куда-то вопреки полученным льготам. Что оставалось делать? Смириться? Искать правды у новой власти? К счастью, вечером сына привез немецкий офицер, сопровождая возвращение извинениями и сладкими подарками. Уж больно «белый-белый» мальчик был похож на его сына Ганса, что ждал папашу в далекой Германии.

От пережитых волнений или от истощения сил вскоре Наца заболела тифом. Чтобы не заразить сына, наскоро попрощавшись с ним, отправила с соседкой к сестре в Гуляйполе. Сильный организм справился с болезнью...

Сын, конечно, ничего этого не помнил. Первым воспоминанием ребенка стало вхождение советских войск в их городок: ярко, звонко, с грохотом орудий. После войны Наца устроилась воспитателем в интернат, чтобы дорогой сын всегда был под присмотром, сыт и ухожен...

И за него ложечку! Долгую и насыщенную жизнь прожил этот ребенок войны. Георгий Попов окончил Запорожский техникум, потом — филиал Московского Инженерно-Физического института. Отправился за романтикой на Урал. Прошел путь от простого инженера до

начальника большого электросборочного производства на закрытом предприятии «Электромехприбор». Он дожил до 80-летнего юбилея. По годам даже немного пережил свою мать — Анастасию Федоровну Онищенко... Где же теперь ваши могилы? Куда привели детские дорожки, выложенные из ракушечника? Что оказалось там — за горизонтом? Нет ответа...

А пока, в последний год седьмого десятилетия двадцатого века, папа с дочкой отъезжали в теплом купе поезда дальнего следования. За окном по перрону шла многострадальная, гордая украинская женщина с грустной и ласковой улыбкой. На столике стоял стакан в подставке и ложка с ручкой, похожей на шпатель, которую положила бабушка, чтобы у внучки был индивидуальный столовый прибор...

Ложечка позвякивает в стакане под мерный стук колес... А бабушка машет рукой и все идет-идет...

— Знаєш віршик? Послухай віршик!.. Василий Жуковский: «Там котик усатый по садику бродит, а козлик рогатый за котиком ходит; и лапочкой котик помадит свой ротик, а козлик седою трясет бородою».

— Де? Де ж моя улюблена чарівна педагогічна ложечка?

Илья Криштул. ЗДЕСЬ И ТАМ

Я больше не хочу здесь. Я хочу туда, где звезды и море, и костер на пляже, и гитара, и кто-то играет «Машину времени». И пахнет жареными мидиями, и девушка напротив смотрит влюбленно. И я уже знаю, что будет этой ночью...

А здесь я ничего не знаю. Здесь бегают менеджеры, все в одинаково повязанных шарфиках, и дети гор с одинаково злобными лицами. Здесь неоновые ночи, от которых болит голова, а девушки смотрят только в свои телефоны. Здесь убивают за царапину на машине и бьют по лицу за случайный толчок. Здесь шумно и грязно, здесь невкусное мороженое, немолодая усталая жена и старый я.

А там, куда я хочу, там все молодые, и жена, и я, а мои друзья смотрят на нас и смеются. Там за рубль нам наливали банку сухого вина, и мы шли на пляж, где валялись деревянные лежаки. Мы их раскладывали, как нам удобно, садились, и снова гитара, только теперь уже Антонов, «Море, море...», и пили вино из банки, и звезды падали нам прямо в ладони. А невдалеке стояли пограничники и завидовали. Мы, конечно, им предлагали выпить, но они смущенно махали руками и уходили, бряцая чем-то металлическим.

Здесь такого вина нет. Может, оно и есть, но его никто не пьет. Я давно уже не видел, чтобы кто-нибудь пил дешевое вино из стеклянной банки и слушал Антонова. Можно, конечно, похожего вина купить, но с кем ты его будешь пить? И Антонова скачать можно, но с кем ты будешь его слушать? Со своими детьми? Они, услышав «Море, море...», понимающе улыбнутся, ничего не поняв, а тех, кто понял бы, уже нет. Уехали, спились, умерли или стали другими и не хотят помнить костер на пляже с деревянными лежаками. Они и меня-то помнить не хотят, потому что я — это воспоминания, а воспоминания отвлекают от бизнеса.

Там у нас тоже был бизнес. Джинсы, сигареты, кассеты... Бизнес в стиле «лайт», как сказали бы сейчас. Но моря было больше. И счастья больше. Продали джинсы, которые чей-то отец привез из Югославии, вина взяли, портвейна по два двадцать, девчонок позвали... О, какие у нас были девчонки! Голдик, Стропила, Браун, Рюмашка, Дуренок... Стропила недавно умерла от водки, Рюмашка с десятого этажа улетела под наркотой, Браун в Германии, достопримечательная бюргерша... Еще Отрада была, Отрадушка, пятый размер, добрая и ласковая. Никого не пропустила, со всеми переспала. Потом замуж вышла за бандита, еще в те годы, и исчезла. Можно, конечно, в «Фейсбуке» или в «Одноклассниках» поискать, но смысла нет. Все равно не ответит. Не каждый хочет в прошлое возвращаться, как я. У меня-то все светлое там...

Нет, мы не были ангелами. Ангелы жили среди нас, оберегали и иногда в кого-то из нас вселялись. И тогда тот, в кого вселился ангел, покупал духи и ехал к маме. И шел с мамой по магазинам, и занимал очередь к прилавку, пока мама стояла в кассу. И ужинал с родителями, а потом смотрел с отцом «Футбольное обозрение». Может, наши мамы до сих пор живы, потому что в нас часто вселялись ангелы?..

А здесь ангелов нет. Какие здесь ангелы, у них же крылья, а и так не протолкнуться, им все крылья потопчут или оторвут. Ангелы еще петь любят, по-своему, по-ангельски, а где здесь попоешь, если шум везде и ор? Так что ангелы исчезли и появляются, только если беда, чтобы забрать кого-то к себе за небо. Они часто появляются, бед много: то горит что-то, то взрывается, то падает... Но жить здесь они уже не могут. Здесь ангелам больно. Да и среди кого им жить? Среди менеджеров?

А там, куда я хочу, даже слова такого не было. Нет, мы все учились, работали, что-то делали... Кто дворником пристраивался, кто квасом торговал, кто на вечернем учился раз в неделю, а днем снег с крыш сбрасывал... Но если компания загулять собиралась, и квартира была у кого-то свободная, то все, все дела побоку. И какие были загулы! Недельные, двухнедельные... Деньги кончались — посуду шли сдавать, а это рублей десять-пятнадцать... И по

новой — портвешок, шипучий «Салют» девочкам, ночные Сокольники... И в кино успевали сходить, и на концерты какие-то... А могли деньги подсчитать, дозаять где-то и на море опять же уехать. Просто, в среду после обеда, в плацкарте. И кто-то один «зайцем» наверху прятался. Это потом уже — проблемы в институте, неприятности на работе... А родителям отзывались: «Мам-пап, я у друга, мы занимаемся...» Хотя родители все понимали — звонок-то был междугородный. Если кто помнит, конечно, что такое междугородный звонок...

А здесь попробуй загуляй хоть на два дня. Или зайди ночью в Сокольники. Или позвони жене и скажи, что ты на море в среду после обеда с компанией уезжаешь, мол, присоединяйся... Такое услышишь... А там она с тобой с удовольствием ездила. С двадцатью рублями. И с улыбкой, и с влюбленными глазами, и в том платье, в котором... Помнишь?

А еще там был буфет на станции с вкусными пончиками, и немтая черешня, и солнце падало в море где-то за домиками, и девушка, которая будущая жена, утром просыпалась потрясенная... Где сейчас эта девушка? Здесь, гремит чем-то на кухне и руки в муке о передник вытирает... А я хочу, чтобы она там была, со мной, и в море умывалась с голой грудью, худая, загорелая и с длинными-длинными ногами... Но ее отсюда туда не затащишь...

Да и что мне, сегодняшнему, там делать? С замусоренными мозгами, уставшему от всего — от людей, от вечных кредитов, от нелюбимой работы, от ненужных знаний... Ненужные знания — это все, что нажил, на что истратил жизнь, которая так хорошо начиналась... Или она еще не начиналась? Может, я все еще стою в прихожей, а жизнь — она там, в комнатах? Я многих знаю, которые так и простояли всю жизнь в прихожей... А я сейчас зайду и... Смешно... Я ведь давно прошел все комнаты, я давно спел все песни, я мало молчал и много говорил, я любил и не любил, я плакал и смеялся, я часто врал и редко не врал, и я снова подхожу к входной двери, только уже с обратной стороны... И я знаю, что будет за ней. Я знаю, что веселье заканчивается слезами, пьянка — похмельем, любовь — ненавистью, а жизнь — смертью.

А эти ребята — молодые, красивые, шумные, беззаботные — не знают. Небесные длани лежат у них на затылках. И не надо им мешать и учить их не надо. И все мои знания ничего не изменят... Они не нужны там никому, мои знания. И я сегодняшний там никому не нужен. Слышите, как волны накатывают на берег? Как шуршит галька? Лучше этого звука в нашей жизни ничего не будет...

Я уже многих из них похоронил, вот из этих, поющих на пляже Антонова: «Море, море, мир бездонный...»

Пусть поют. И пусть я пою среди них. Но не сегодняшний, а тот...

Не надо возвращаться в свою молодость. Надо ее, улыбаясь, вспоминать.

Вот только вспоминать уже не с кем... И улыбаться я давно разучился...

Слушай, бармен... А налей-ка мне стаканчик моря! Того, коктебельского, лета восемьдесят четвертого года... Сколько тебе лет? Двадцать? Я постараюсь не завидовать... «Море, море, мир бездонный, пенный шелест волн прибрежных...»

Дмитрий Сидоренко. МУХА

Не ошибусь, если скажу, что у каждого охотника есть в запасе хотя бы одна интересная история, связанная с его промыслом или увлечением.

С моим другом, охотником-промысловиком Антоном Алексеевичем, произошла одна из тех историй, которые рассказывают вновь и вновь. Самое время поведать ее вам...

Связана она с Мухой. Нет, это не то назойливое насекомое, которое иногда ужасно раздражает нас своим присутствием. Муха — это кличка пса. Он не был породистой охотничьей собакой с родословной и документами, не принадлежал к группе легавых, которые незаменимы во время охоты на птиц. И не был он лайкой, псовым борзым или гончим, способным развивать скорость, как хорошая скаковая лошадь, и преследовать добычу с громким лаем. Муха родился обычным деревенским дворовым щенком.

Морозным декабрьским днем, когда на дворе мела пурга, молодой, жаждущий лесных приключений охотник из небольшого сибирского села принес домой за пазухой, под мягким овечьим тулупом, маленький комочек, похожий на варешку. Им и оказался наш главный герой. Он был полностью белым, лишь по спине тянулась полоска рыжего цвета. Густая, длинная, с обильным подшерстком шерсть помешала правильно определить пол щенка, из-за этого охотник дал ему имя Муха.

Многие охотники, читая это, сейчас думают: «Ну, зачем же он взял себе собаку-дворняжку?» Отвечая на данный вопрос, поясню, что не было у молодого охотника возможности приобрести хорошую породистую собаку.

Прошло немного времени. Начинаящий охотник со своим юным воспитанником начали первые вылазки в зимний лес. Щенок подрос, окреп, но в силу своего возраста и роста находился за спиной у друга-охотника, в рюкзаке. Так было проще и быстрее передвигаться по глубокому снегу.

По короткой пороше можно подробно прочесть ночную жизнь лесных обитателей, зверей и птиц. Найдя свежие следы лисицы, Антон Алексеевич сажал щенка на след и давал возможность ознакомиться с ним еще малоопытному псу. Муха улавливал недоступные человеческому носу запахи, которые оставлял на холодном снегу хищник. Достоинствами Мухи были его острый ум, смелость и обучаемость.

Однажды, выслеживая лису, наши следопыты углубились в лес и приблизились к месту, где находилась назьма зверя. Рыжий зверь оказался весьма бдительным и успел выскочить из своей норы. На этом деле он и провалился. Охотник резко вскинул ружье и выстрелил, ранив лисовина. Плутовик начал петлять по всему лесу, оставляя за собой окровавленные следы. Лапы животного глубоко утопали в мягком снегу. На следах оставались поволоки и выволоки. Этим-то и воспользовались человек с собакой.

За дело принялся бойкий щенок. Вдыхая чутким носом свежий запах крови, он чувствовал присутствие зверя. Муха с уверенностью и азартом тропил раненого пышнохвостого обитателя леса. Это продолжалось недолго. Громким, торжественным лаем Муха дал знать, что нашел хищника. Как капкан, сжались его зубы на горле у лисовина. Первый трофей был добыт. Молодой охотник и его верный помощник, довольные результатом охоты, возвратились домой.

Так прошла зима, и в права вступила сестра-весна. Солнце поднялось выше, и от этого на земле стало теплее.

Весенний лес особенно красив, ведь в нем начинает просыпаться жизнь. Тает серый снег, на деревьях появляются почки, журчат ручьи, а в проталинах на полях поднимает настроение молодая, яркая зелень. К этому времени возвращаются из теплых стран перелетные птицы. В леса и болота возвращается типичная суета. Весна для охотников — это тоже начало чего-то нового. Весной открывается долгожданная охота на пернатую дичь.

Пришло время нашему главному герою показать себя в деле.

Обладая невысоким ростом, Муха имел невероятную выносливость, ловкость, а самое главное, терпение. Сидя в шалаше, он, молча, внимательно смотрел, куда падала сбита дробью водоплавающая птица, и после этого бросался за ней. Он с легкостью заплывал в дебри камышей и приносил другу-охотнику сбитую им дичь.

Мухе очень нравилось, когда они уезжали рано утром из дома в лес или на болота. Любимое место во время поездки у него было в коляске мотоцикла «Урал» (аппарат был куплен охотником для дальних поездок). Задние лапы пса находились на сиденье, а передние он ставил поверх коляски. В таком положении ему было удобно наблюдать за тем, что происходит вокруг. Обнаружив зверя, Муха на ходу мог выпрыгнуть из коляски и начать погоню.

Без всякого сомнения, можно сказать, что щенок сделал выбор, который впоследствии стал смыслом всей его жизни. Муха выбрал для себя путь охотника.

Год за годом он набирался опыта в охотничьем промысле. Особенно удавалось вытравливание пушных зверей. Лисицу, Муха очень часто выгонял из норы, младшего брата лисы — корсака — настигал в кущерях и труднопроходимых местах, а колонка выслеживал по следу, загонял на деревья или удушал на земле.

Однажды наши охотники отправились в лес на промысел. Раннее сибирское утро глубокой осени, бодрящий морозный воздух таили в себе что-то многообещающее. Друзья понимали друг друга без слов и оба чувствовали, что сегодня их ожидает интересный, захватывающий день, потому как Муха улавливал свежие запахи и давал знать, что впереди в березовой роще на ветвях сидят тетерева.

Охотник и собака осторожно подошли к деревьям, где сидели косачи. Оглушительный звук двустольной «тозовки» взбудоражил все вокруг — и два тетерева, заломив крылья, упали на землю. Муха радостно посмотрел в глаза своему другу-охотнику и, виляя хвостом, побежал за дичью.

После того как трофей был аккуратно уложен в рюкзак, наши добытчики отправились дальше. Пройдя большое поле, Антон Алексеевич и Муха подошли к глухому болоту, на краю которого был смешанный лес, состоявший из берез и осин, окруженный кустарниками и камышом со всех сторон. Четвероногий друг учуял в воздухе присутствие дикого зверя в чаще леса, но охотник решил для начала найти след, а потом уже действовать. На окраине болота собака и охотник обнаружили свежий след кабана.

— Ну что, Муха, попробуем его взять? — спросил у своего помощника Антон Алексеевич.

— Гав! — ответил ему тот на своем собачьем языке, что означало «Да!»

Муха пошел по следу кабана в болото, а его друг-охотник — в сторону леса. Громким лаем Муха объявил, что нашел упалого зверя. Смело подняв кабана с лежки, пес направлял его туда, где их ждал охотник.

Выбежав на опушку леса, вепрь словно почуял присутствие человека и, резко развернувшись, начал удаляться в сторону от приготовившегося стрелка. Прогремел хлесткий выстрел, но пуля пролетела над ухом кабана. Грянул второй — и охотник услышал удар пули по цели. Кабан рухнул на холодную землю, но через несколько секунд внезапно встал на ноги, как солдат в армии по команде «подъем», и бросился прочь. С шумом преследуя угонного вепря, Муха вскоре скрылся из виду. Подойдя к следам ближе, Антон Алексеевич понял, что кабан серьезно ранен. Окинув взглядом это место, охотник стал обрезать дорогу раненому вепрю. Тем временем Муха остановил и держал кабана. Он облаивал его, атаковал, хватал острыми зубами. Весьма внушительных размеров вепрь оказался старым кабаном — секачом. Он был озлоблен, издавал грозное пффурканье при выдохе, громко рывкал и хрюкал. Черно-бурая щетина кабана маскировала его в болоте и лесах, но не в этот раз. По спинному гребню выделялась длинная

шерсть. Овальные, стоячие с заостренными кончиками уши чутко улавливали все происходящее вокруг.

Осторожно скрадывая опасного зверя, охотник приближался на расстояние верного выстрела с подветренной стороны. Муха работал с большим азартом, врожденное бесстрашие собаки, паратость и вязкость делали его злобным и настойчивым. Пес кусал его за суставы и голени, хватал сзади и сбоку. Разъяренный вепрь был как несокрушимая скала.

Муха услышал краем уха приближающегося к ним друга-охотника, отвлекся, чтобы посмотреть, и в этот самый момент проворный зверь, обладающий мощной силой, как российский танк, нанес сокрушительный удар собаке. Пес, взвизгнув от страшной боли, упал без памяти на землю в стороне от горячей схватки.

Охотник оказался один на один со зверем. Прицелившись, он выстрелил в секача, но тот упрямо шел на человека, чтобы разобраться и с ним. Прогремел второй выстрел, но и он не остановил разгневанное дикое животное.

Обладавший охотничьей сноровкой и хорошо владевший оружием, Антон Алексеевич резко переломил «тозовку», и из ружья вылетели стреляные гильзы. Машинально схватил два самостоятельно снаряженных, лежавших в кармане маскхалата патрона, забросил их в ствол и закрыл его. Зверя и человека разделяли считанные метры. Антон Алексеевич нажал на спусковой крючок одного из стволов...

— Осечка!

— Неужели, конец?..

Указательный палец потянул второй крючок...

Застыв в оцепенении, как будто парализован, охотник не мог пошевелиться. Загрохотал долгожданный выстрел. Крепкий на рану секач остановился в метре от своего противника. У него не было сил, чтобы броситься на человека. Взгляды охотника и животного встретились. О чем противники думали в этот момент? Мы не знаем. Кабан, прощаясь с окружающим миром, упал на снег. Охотник медленно опустился перед ним на колени. Так закончилась борьба за пропитание и выживание между человеком и зверем.

Охотник смотрел на результат творения матушки-природы. Мощные челюсти и острые клыки кабана больше не казались ему страшными и грозными, это был «колоритный персонаж»: туловище округлой формы, массивная толстая шея, крупная клиновидная голова с пятком, небольшой хвост с кистью на конце и маленькие глаза подчеркивали его индивидуальность.

Вспомнив про своего друга Муху, Антон Алексеевич бросился к нему. Тот лежал живой, но не мог встать из-за рваной раны, нанесенной большими клыками секача.

— Все будет хорошо, Муха! Это всего лишь царапина. На тебе заживет как на собаке, — подбодрил своего бесстрашного помощника охотник.

В течение недели Муха зализывал раны, пил теплое коровье молоко и закусывал свежесваренными кусочками кабаньего мяса, добытого в сече с ним.

Восстановившись после травмы, Муха снова принялся оттачивать свое мастерство на охоте.

С трепетом и заботой к своему питомцу Антон Алексеевич относился всегда, окружал любовью и вниманием, которые «особый друг», безусловно, заслужил. После каждой удачной охоты он чувствовал гордость не только за себя, но и за своего четвероногого товарища.

У наших друзей было еще много охот с ночевками у костра в лесу и богатой добычей. Был взят еще не один вепрь, но шкура, клыки и вынутые из старого секача пули остались в личной коллекции Антона Алексеевича. Показав их мне, он поделился этой историей в память о своем лучшем друге — охотнике Мухе.

До последнего дня пес ездил на охоту. Уже не в силах гнать зверя и доставать из холодной воды дичь, он все равно находился рядом со своим хозяином.

Все силы молодости Муха отдал любимому делу. С возрастом взгляд у Мухи изменился. Он стал более мудрым и грустным. Черные, круглые, похожие на пуговицы глаза смотрели с доверчивой добротой на окружавших его близких людей. Блеск во взгляде собаки угасал. Старость делала свое дело. С годами у Мухи появились проблемы со зрением, а потом он и вовсе ослеп. От частых переохлаждений в ледяной воде досталось и его ногам, развился артрит. Пес с трудом передвигался, мучился, терпел боль, стиснув свои уже не острые зубы. Став совсем дряхлым и немощным, он находил уединение не в лесах и болотах, а в своей конуре.

Муха прожил двадцать человеческих лет. Его жизнь была яркой и насыщенной, полной приключений и адреналина. Он был настоящим охотником и надежным другом, которых зачастую, не хватает в трудных жизненных ситуациях. Пес покинул наш мир, но навсегда остался в нашей памяти и сердцах.

Надежда Космынина. А НЕЧЕГО БЫЛО ЗЛИТЬ ХАКЕРА!

Даша все еще прокручивала в голове разговор с начальником.

— То, что ты предлагаешь — совершеннейшая бредятина!

Даша приготовилась возразить, но начальник приподнял скатерть со стола и добавил:

— Свои амбиции засунь вон туда, под стол! Не надо использовать мой административный ресурс для того, чтобы портить отношения с подразделениями! — на этих словах он ритмично стучал кулаком по столу.

— Что плохого в том, чтобы собрать обратную связь от коллег? Тем более, на этой конференции собрались все наши отделы?

— Ты хочешь услышать что-то плохое о своей работе? Мне надоело слышать о твоих конфликтах с Алмеевой!

— За свою работу я не боюсь. Сам знаешь, я делаю все качественно и в срок. Я хочу, чтобы остальные тоже высказались, что Алмеева скидывает свою работу на других! Своей зарплатой она почему-то не делится, а работой — да.

Конференц-зал стал заполняться людьми, коллеги возвращались с кофе-брейка. Начальник понизил голос, одернул скатерть обратно и наклонился к Даше:

— Сейчас у нас положение очень шаткое. Мы внедрили чипы всем, осталась техподдержка. Проект с трансляцией видеорекламы перед глазами с треском провалился. Я никому не говорил, но на собрании творилась полная жесь. И бюджеты у нас забрали. Так что ссориться с коллегами из дружественного отдела очень не советую!

— И мне теперь делать чужую работу?

— Постарайся мягко отказывать, разъясняя, присылай инструкции. Но не вступай в открытую конфронтацию.

Даша молча пошла за свой стол. Внутри нее клокотали обида и бессилие. Как в разговоре с бывшим мужем, когда между ними будто стояла звуконепроницаемая стеклянная стена, и Даша говорила сквозь эту стену какие-то правильные и нужные слова, приводила аргументы, спорила, а бывший муж в ответ просто смотрел в упор, видел Дашины усилия и совершенно никак не реагировал. Это злило и выматывало.

По правде говоря, этот проект с персонифицированными рекламными видео Даше тоже не нравился. Что за бред — через чипы транслировать рекламу? Идет себе человек по городу, и на стене дома видит не граффити с лицом писателя или героя войны, а рекламу нового автомобиля или щипцы для кухни — смотря какая целевая аудитория.

Но сама такая возможность трансляции ей нравилась. Чипы, которые внедряют людям, уже всюю помогают в медицине — напоминают принять лекарства и отправляют данные о здоровье врачу. На очереди запуск проекта звуковых ограничений, когда чипы блокируют громкие звуки в жилых домах во время праздников и концертов. И было бы здорово транслировать через зрительные каналы восприятия что-то хорошее. Например, в пасмурный день добавить ярких красок деревьям или цветным зонтикам. А если человек склонен к депрессии, можно еще и менять в глазах смотрящего цвета серых пальто и курток. Так гарантированно люди будут чувствовать себя лучше.

А если дальше пойти, то хочет девушка, например, поменять форму носа, и она просто заказывает визуал, чтобы окружающие перестали видеть горбинку. Если это монетизировать, то можно и подписку брать за трансляцию красивого носа. И убить сразу двух зайцев — пластические хирурги поднимут цены для тех, кто хочет реальных изменений, а кто победнее, будут, как и всегда, стремиться быть, а не казаться. Модницы смогут менять цвета и фасоны

своей одежды и аксессуаров. Только зрительный эффект и осознанное потребление — здорово же! И производители смогут продавать свои виртуальные наряды дешевле и на короткий срок, а реальные — дороже и навсегда. И, главное, технология уже отработана и протестирована, осталось внедрить. Надо будет придумать, как преподнести эту идею руководству.

* * *

После конференции Даша не пошла на ужин, а направилась к себе в номер. Очень ее расстроил разговор с начальником. Зашла в свой любимый мессенджер «Записка» и начала строчить подруге Полине сообщение. Как ее достало работать за других, как несправедлив начальник, как она задолбалась. Можно и позвонить, но разница во времени была существенной, будить подругу Даша не хотела. И вообще, она с большей охотой писала, чем говорила, мысль на кончиках пальцев удавалось передать лучше.

Даша в красках описала свое состояние, пальцы так и летали над клавиатурой, всю свою боль вложила Даша в это сообщение, нажала «Отправить», поставила смартфон на зарядку и направилась в душ. Просто необходимо смыть с себя весь этот день.

Выйдя из душа, Даша взяла телефон. Чат с Полиной заканчивался на дневном сообщении, а где же последнее? Даша открыла уведомления и обомлела. Не тот чат! Боже мой, Даша отправила это сообщение в групповой чат Полининого блога! Подруга вела соцсети, в том числе во всех мессенджерах, и публика везде была разная. Именно в «Записке» собрались самые отмороженные подписчики. Они разбились на группы и постоянно поливали грязью другие группы или отдельных подписчиков, которые писали комментарии. Полина в это не вмешивалась, зная, что тем самым ее блог будет популярным, потому что алгоритмы поднимут его в рейтинге. Нанимать модератора Полина тоже не собиралась, говоря: «Взрослые люди, пусть сами себя модерируют!»

Некие Lina_ST, Kowka_elle, julyajay70 и ХулияПсихуловнаЖук давай в красках комментировать Дашино сообщение, рассказывая, что Дашенька тупая, сама работать не хочет, нечего лезть к начальнику и завидовать коллеге, сама виновата, что чужую работу делает, и вообще пусть самовыпилился из чата, потому что не фиг жаловаться на жизнь.

Даша тяжело опустилась в кресло. Эти сообщения добили ее. Плача и всхлипывая, Даша зачем-то снова и снова перечитывала чат. Думать о том, что ее видят вечно ноющей и глупой, было невыносимо. Умом Даша понимала, что эти комментаторы — глубоко несчастные люди, которые не имеют ни малейшей эмпатии, и единственная их радость в жизни — незнакомому человеку наговорить гадостей. А если человек еще и в удрученном состоянии, то бить по больному месту — счастье и удовольствие для таких сетевых троллей. Но эмоции лились через край, заглушали голос разума.

— Да как вы меня все достали!!!! — вскрикнула Даша и в сердцах бросила в коридор подушку из соседнего кресла. Решительно направилась к сумке с ноутбуком, воткнула в него зарядку, положила рядом смартфон.

— Таааак. Значит, я нытик? А ты кто там, Lina_ST? О, ты просто инициалы на фиолетовом фоне! Прекрасно! Хулия-ПсихуловнаЖук, а ты — старая тетка в дурацком берете и красной помаде! Вот так ты себя позиционируешь, вот такая у тебя аватарка? Значит, весь мир тебя увидит именно такой, и ты тоже! Загружаем изображение. Кошка с ободочком? Да уж, не милый котенок, а кошка, недовольная жизнью. Так и будешь ходить, дорогая моя! Нечего меня тупой называть! Думаешь, тупая тебя не найдет и не получит доступ к чипу? А вот и получит! Потому что я теперь решаю, как ты будешь выглядеть в глазах окружающих! Кто там еще? О, новый коммент от Масараш, ананас на аватарке. Что ж, будешь ананасом, раз так хочешь. Последняя — julyajay70, Юлечка. О, ты даже место работы указала, не боишься, что я тебя узнаю в толпе? Ведь ты наверняка сейчас на конференции, в соседнем зале! Хотя... Что я тебе скажу? Ты вон какая дерзкая, сразу видно, повернешь все так, что ты одна умная, а

вокруг одни идиоты. Стерва! Фоточку свою обработала? Теперь ты как нарисованная? Ну что ж, будешь теперь нарисованная!

Клавиатура чуть ли не трещала под ударами пальцев Даши, она прописывала изменения в коде с таким воодушевлением и злостью, что позавидовал бы любой суперзлодей из остро-сюжетных боевиков. При этом напевала песню: «Нарисованная моя, нарисованная моя...»

Через пару часов адреналин, на котором Даша работала все это время, начал иссякать, на смену ему пришло утомление и слабость. Даша как раз заканчивала. Поставила запуск программы на семь утра, закрыла ноутбук и прямо в халате легла спать. Едва голова Даши коснулась подушки, как она провалилась в сон. Снился ей эпизод из старого фильма с Леонардо Ди Каприо. Он стоял перед толпой людей с микрофоном, произносил пламенную речь, потом наступила пауза, и он произнес: «А знаете что? Я не уйду!» И толпа зааплодировала.

Из мира грез будильник перенес Дашу в реальный мир. Она прекрасно выпалась, на душе было легко. Даша улыбалась коллегам, и от вчерашнего расстройства не осталось и следа.

На кофе-брейке все вышли в холл, дамская комната была переполнена, и Даша поднялась к себе. В соседний номер вошла горничная, и из приоткрытой двери раздался вскрик и громкий плач. Горничная отскочила от двери и попятилась назад, выронив ключ-карту от двери.

— Что-то случилось? — поинтересовалась Даша.

— Там, там... — горничная показывала пальцем в сторону номера и не могла вымолвить ни слова.

— Пойдем вместе.

Даша подняла ключ-карту с пола и решительно открыла дверь. Женщину перед зеркалом Даша узнала сразу. Юлия из строительной компании. Да и как было не узнать, если аватарку `julyaja70` Даша загрузила последней в базу. Ее лицо было красивым, но как будто пиксельным, словно художник хотел визуализировать голосового робота и придать ему человеческие черты, но решил оставить квадратики. Женщина горько плакала, и стоило ей взглянуть в зеркало, вой усиливался.

— Что с вами?

— Я... я... проснулась, пошла в ванную, а тут вот... это... У меня другое лицо!! Где мое лицо?! — плечи Юли затряслись. — Вот, смотрите, я другая, вот.

Она разблокировала смартфон и стала показывать Даше фотографии. Бесконечные селфи показывали миловидную женщину.

— Вы были одна в номере? Не похоже, что это пластическая операция, но мало ли.

— Одна, одна!

— Честно, не знаю, чем вам помочь. Позовите доктора что ли.

Под всхлипывания Юли Даша вышла, повесила на ручку двери табличку «Не беспокоить» и, улыбаясь, зашла в свой номер. Горничная уже убирала соседнюю комнату. Она так неистово двигала шланг пылесоса, словно пыталась стереть из памяти увиденное. Даша разве-селилась. Как удачно вышло, что она сразу же оценила результат своей работы!

Сообщение от Полины: «Как ты? Видела, что ты не в тот чат отправила сообщение. Позвони как сможешь». Но кофе-брейк заканчивался, времени на звонок не было, и Даша ответила: «В обед позвоню».

* * *

Даше не нужно было выступать в этот день на конференции, поэтому она могла сполна насладиться эффектом от своей работы. Едва сдерживая смех, она в красках представляла, как сейчас выглядят остальные участники чата — старая тетка в берете, кошка в наушниках, а особенно смешно должен выглядеть ананас вместо головы. Интересно, а Lina_ST как? В «Записке», если не ставишь аватарку, система автоматически подставляет инициалы или первые буквы никнейма. И Дашу интересовал вопрос, что сейчас вместо головы у этой женщины — буквы LS или пустое место, как у всадника без головы?

Размышления Даши прервала дискуссия в конференц-зале. Главы региональных офисов пытались выяснить ответы на вопросы, которые могла дать Алмеева — та самая, на которую Даша безуспешно жаловалась своему начальнику. Но Алмеева что-то мямлила, и любой вопрос она тут же переключала на другие отделы: «Это мне маркетинг сказал!» или «Они сами не хотят, мне заставлять что ли? У меня нет на это времени!». Больше всего Дашу возмутило: «Я не могу все сама делать, мне нужен личный ассистент!» Директор в итоге сказал регионалам самим проработать все моменты и вернуться с отчетом по результатам работы. По залу прошел недовольный ропот. Даша наклонилась к региональному сотруднику, который сидел рядом с ней: «Паш, а у вас всегда так, что вы делаете работу этой женщины?» «Ну да, — прошептал Паша. — На конференции в прошлом году глава офиса даже докладную написала на Алмееву, но все замяли».

«Вот, значит, как! — злилась про себя Даша, — ты не только нашему офису жизнь портишь, но и всей компании! Работу свою скидываешь, а зарплатой не делишься. Пустое место ты, Алмеева, вот ты кто! Хм, пустое место... Пустое место...»

Глаза загорелись недобрым огоньком. В голове тут же созрел план, и Даше не терпелось воплотить его в жизнь.

Даша не пошла на ужин с коллегами, сказав, что ей надо подготовиться к завтрашнему выступлению. Она развернула программу и принялась дописывать код. Цель — Алмеева. «Не знаю, как там у этой пустоголовой из чата, но у тебя, дорогуша, не будет видно все! То есть ничего. Ни головы, ни рук, ни ног, ни туловища. Раз ты пустое место, то и будешь пустым местом. О, голос надо тоже не забыть выключить. Таааак, готово. Выкатываем. А, стоп. Про сроки забыла. Эти чатовские пусть еще денек помучаются. А Алмееву отключим на... на... на две недели! Пусть все увидят, насколько она пустая и бесполезная!»

Даша закрыла ноутбук, довольно посмотрела в зеркало напротив стола, прищурилась и произнесла:

— А нечего было злить хакера!

Наталья Веселова. ПОБЕГ

Впервые в жизни ноябрь не стоит в сердце, как мутная вода. Нечто, похожее на старую простоквашу над головой, не удручает, как все предыдущие тридцать девять, в целом, безрадостных лет ее жизни: где-то на самом краешке видимого неба, над крышей дальней пятиэтажки, облака даже обрели нехарактерную для поздней осени прозрачность и кажутся чуть подсвеченными чем-то нежно-лимонным с матово-переливчатой растушевкой — значит, солнце спряталось ненадолго... Нет, ну, скажите на милость! Откуда в ней, закосневшей в примитивной грамматике учительнице английского («Что-о ука-азывает на перфект?!» — о, нет, только не сейчас!), вдруг взялось такое тонкое художественное видение? Видно, они с Вадимом — художник! — действительно успели за эти два стремительно-упоительных месяца срастись в одно целое — так что она уж и мир видит его глазами, на самом пороге пятого десятка вдруг научившись ловить неведомые раньше формы, оттенки и отражения...

Ну, положим, отражение городского линиялого небосвода в очередной бурой луже на асфальте, далекого и несвободного, словно в кандалы закованного глазастыми стенами, — это трюизм, не стоящий упоминания; но как необычно, почти дизайнерски оригинально ее собственное — акварельно-размытое, переменчивое — в бесконечных полированных предметах мебели, которую споро выносят из грузовика, вставшего как раз между ее скамейкой на бульваре и входом в клинику! Благородного глубоко-красного цвета пальто, по которому в продуманном беспорядке раскиданы ее длинные волнистые волосы цвета черного кофе (седых среди них пока настолько мало, что удастся избавляться от белых, просто выдергивая), бледно-розовое пятно счастливого здорового лица — это все то на миг вытягивается в длинном вертикальном параллелепипеде (шкаф-пенал? фрагмент посудной горки?), то плавно, изгибчиво течет по широкой опрокинутой набок столешнице, лишенной четырех законных ног, то на секунду появляется так же четко, как в ночном зеркале, в дверце секретера коричневого дерева... Забавное зрелище...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.